

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ВРАГИ ГОСПОДА НАШЕГО

У КЛАДЕЗЯ БЕЗДНЫ

Бремя империи

Александр Афанасьев

**У кладезя бездны.
Враги Господа нашего**

«ЭКСМО»

2013

Афанасьев А. Н.

У кладезя бездны. Враги Господа нашего / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2013 — (Бремя империи)

Считается, что судьба мира зависит от императоров, королей, президентов, кардиналов, на худой конец – генералов и адмиралов, таких, как легендарный русский разведчик князь Воронцов или шеф гестапо Манфред Ирлмайер. Но даже в шахматах пешка может превратиться в ферзя и переломить исход партии. А уж в жизни – подавно. Так и в большую игру, затеянную заговорщиками из Ватикана, вмешался простой итальянский солдат с русской фамилией Орлов. Который, правда, очень хорошо умел стрелять. Когда-то ему поручили ликвидировать африканского царька, но ситуация изменилась – и его предали. Но он сумел вырваться из плена, выполнить отмененный приказ, а теперь очень хотел разобраться со своим бывшим командованием. Старшина Орлов, оправдывая свой псевдоним – Паломник, направился в сторону Рима, еще не подозревая, что его месть способна поколебать весь земной шар...

© Афанасьев А. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Александр Афанасьев

У кладезя бездны. Враги Господа нашего

© Афанасьев А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые ИСПРАВИЛИ ПОДВИГ ТВОЙ. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю Тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю Тебе, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгребать горячие угли к костру Твоему, на котором сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi.
Ф. М. Достоевский «Великий Инквизитор»

*«Аллилуйя!» – поёте вы,
Как ягнята – да только львы
Соберутся в песках страны
Под рогатый шлем сатаны...*

Мирослав Мурысин

11 июля 2013 года

Сардиния, Капо Комино

Эти места, каменистый берег Сардинии еще не были открыты туристами. Туристические паромы с «сапожка» приходили в Гольфо Аранчи и в Арбату, там же были и отели, которых на Сардинии было не так много, как могло бы быть: по непонятным причинам туристы избегали этого места, не особенно любили его. Что же касается Капо Комино, то это был еще один то ли рыбацкий городок, то ли деревушка, притулившаяся на узкой полосе земли, окаймлявшей этот гористый, неприветливый остров. Девяносто процентов территории Сардинии представляли собой разной крутизны горы. А оставшиеся десять процентов – это побережье, рыбацкие деревушки и туристические компаунды. А море здесь было даже не синим – оно была лазурно-голубого цвета, как некоторые химические составы, настолько ярким, что в солнечные дни на него больно было смотреть. Цивилизация в виде отелей, впрочем, заканчивалась береговой чертой.

Если пройти немного дальше от берега, миновать гряду песчаных дюн – здесь есть почти что настоящая пустыня, правда, шириной всего несколько сотен метров, – а потом углубиться в горы, то рано или поздно вы набредете на заброшенные деревни. Раньше здесь жили люди, теперь здесь никто не живет. Дело в том, что здесь имеет силу Каморра, неаполитанская мафия, зародившаяся именно здесь, в горах Сардинии. Когда власти пытались превратить Сардинию в туристический рай, они предприняли значительные усилия к тому, чтобы отучить местных горцев от мерзкой привычки похищать людей и требовать за них выкуп. В гористой Сардинии, как и во всех горных местах, жили достаточно бедно, рыба большого дохода не давала, потому получение денег за похищенных людей считалось не преступлением, а доблестью, с чем и боро-

лись власти. Справиться с горцами получилось как-то не очень, да и превратить остров в туристический рай тоже получилось не очень, но кое-какие подвижки все же были. Они заключались в том, что многие горцы поменяли свое жилье, старые хибары на острове, на приличное, построенное за государственный счет жилье на континенте и переехали жить туда. Деревни остались пустовать, но, так как климат на острове мягкий и ровный, зим со снегом не бывает, им суждено было оставаться туристическими достопримечательностями и двести лет спустя.

Как раз в районе Капо Комино в этот день в районе песчаных дюн, когда еще не взошло солнце, пришвартовалась небольшая резиновая надувная лодка, рассчитанная на двух человек, гораздо меньше тех, какие используют, выходя на промысел, рыбаки-любители. В ней был только один человек; сторожко оглядываясь, он вылез из лодки, вытащил ее на берег и оттащил к кустам. Затем, ловко орудуя саперной лопаткой, набросал поверх нее песку так, чтобы она не была отличима от очередного песчаного наноса, сделанного ветром. Забросив на плечи армейский рейдовый рюкзак песчаного цвета, какой используют некоторые специальные части, человек пошел в сторону холмов. Никакого оружия в руках у него не было.

С рассветом он достиг нужного места, оно было совсем недалеко от берега. Теперь оставалось только найти место для наблюдения.

Место для наблюдения он нашел в зарослях мирта. Саперной лопаткой, заточенной как бритва, он освободил для себя достаточно места. Теперь оставалось только сидеть и ждать...

Но ждать не просто так.

Распаковав рюкзак, он достал и собрал винтовку, соединив верхнюю и нижнюю ее части. Это была необычная винтовка, в ее основе был «кольт М16А1», по крайней мере лоуэр, нижняя часть оружия была точно от него. Аппер, верхняя часть оружия, был без верхней рукоятки, визитной карточки винтовок Кольта; вместо треугольного, хищного вида цевья у этой винтовки было что-то вроде большой трубы, покрытой черной жаростойкой краской. Вместо рукоятки для переноски был установлен редкий, очень прочный прицел Redfield 3-9X, изготовленный по армейскому заказу в стальном корпусе, – это был конкурент морпеховского Unertl. Калибр у этой винтовки был стандартный, пять и пятьдесят шесть, старый, североамериканский – правда, применялись утяжеленные пули, и нарезка ствола не соответствовала североамериканскому правительственному стандарту. Знаток сказал бы, что это оружие представляет собой специальную винтовку Кольта, применявшуюся в ЗАПТОЗ как бесшумная снайперская, в Италию она могла попасть через Аргентину. Совсем осведомленный человек сказал бы, что Decima MAS действовала в Аргентине под видом аргентинских десантников, результатом чего стало потопление авианосца «Гермес», десантного корабля «Спарроухок», потопление и тяжелые повреждения еще нескольких судов британского Гранд-Флита. Но человека, который держал в руках эту винтовку, заботило лишь то, что до расстояния в пятьсот метров она клала десять пуль в мишень с разбросом примерно 1,3–1,5 МОА, что для полуавтоматической винтовки родом из конца семидесятых было просто отличным показателем.

Используя рюкзак как упор для стрельбы, человек положил на него винтовку и замер. Насекомые, жара, неудобное положение, даже осы – а здесь они почему-то были – ничуть не тревожили его. Он привык и к куда худшим условиям...

Тот, кого он ждал, – появился лишь несколькими часами спустя, когда солнце было почти в зените. Это был человек средних лет, даже постарше снайпера, с бронзовой от постоянного солнца кожей, сухой как палка от скудной и малопитательной пищи, одетый как одеваются местные пастухи – в лохмотья, потому что местный кустарник быстро превратит в лохмотья любую одежду. В одной руке у человека был посох, едва ли не трехметровой длины, отполированный многократным прикосновением человеческих рук, а за спиной – короткая курковая двустволка...

Человек гнал перед собой чуть больше дюжины коз. Сварливые и мерзкие животные, дающие к тому же мало молока – но в горах коза является единственной заменой корове. Коза

значительно проще передвигается по узким крутым горным тропам, в опасном месте ее можно даже перенести на руках. Коза значительно более всеядна и в поисках пищи – она способна забираться даже на деревья, объедать листья деревьев и кустарника, которые не станет есть корова. Наконец, козье молоко более жирное, полезное и питательное – пусть его намного меньше, чем коровье. Обратной стороной всего этого является то, что коза не просто съедает траву – она уничтожает ее подчистую, стадо коз способно за два-три сезона полностью уничтожить растительность в каком-нибудь месте, превратив его сначала в степь, а потом и в пустыню. Это объясняется разницей между челюстным аппаратом козы и коровы – коза способна съедать траву под корень. Именно распространением коз объясняется то, что север Африки, некогда житница Римской Империи, превратился в голую, бесплодную полустепь-полупустыню. Но того человека, который погонял шестом сварливых животных, не давая им уклониться от тропы, это ничуть не волновало...

Человек в кустах мирта подкрутил прицел, выводя его на максимальную кратность увеличения. В просветленных линзах прицела отразилось суровое, почти библейское лицо человека, гнавшего коз. Это было лицо человека, который был беспощаден к врагам, но в первую очередь к себе. Лицо отца, защитника рода человеческого.

Какое-то время Паломник боролся с желанием просто выпустить короткую очередь и понаблюдать в прицеле, как плеснется красный туман и не станет еще одного ублюдка, который оскорблял эту землю своим существованием, человека, который совершил самое страшное, что может совершить, – предательство. И видимо... этот человек что-то почувствовал... было бы странно, если бы не почувствовал. Оказавшись рядом с валуном, он вдруг неувловимым движением сорвал с плеча двустволку и выстрелил навскидку примерно в ту сторону, где лежал Паломник. Сам же прыгнул за валун.

Полохнулись, бросились по тропе вспугнутые дуплетом козы.

Чертов сукин сын! Каналья!

Паломник не успел выстрелить – и не стал стрелять теперь. Если на выстрел сейчас припрутся с десятков новых дружков этого типа, который предал, он просто попробует еще раз. Или перестреляет одного за другим, если будет к тому возможность. Но чрезвычайно важно не допустить того, чтобы с десятков стрелков, пусть даже местных, застали его на открытой местности. В горах никто не стреляет плохо, и шансов у него не будет.

Но никто не шел на помощь этому уроду. Минута текла за минутой, подобно струйке песка в часах, а никто на помощь не шел.

Паломник решил. Если на тебя напали, за большинство укрытий можно прекрасно укрыться от огня, тем более за таким прочным, как валун. Но для того, чтобы укрыться, – нужно точно знать, с какой стороны стреляют. А Паломник так себя и не выдал.

Поймав в прицел сухую, костистую лодыжку и переведя прицел ниже, Паломник выстрелил одиночным. Раздался крик – попал.

– Ну, что, Марио, еще? – заорал изо всех сил Паломник. – У меня патронов много! Бросай ружье и вылезай на тропу к чертовой матери! Если хочешь жить!

Когда Паломник приблизился, держа наготове свое оружие, пастух уже выполз на тропу и умудрился что-то сделать со своей раной. Паломник стрелял так, чтобы не задеть кость, но пуля разорвала в лохмотья часть пятки: скверное, болезненное ранение. Пастух сорвал с пояса веревку, которую он носил вместо пояса, и наложил жгут – это все, что он мог пока сделать...

Увидев Паломника, он выругался.

– Орлов... как я сразу не догадался.

– Так точно... капитан. Главстаршина Александр Орлов, оперативный псевдоним Паломник. Помнишь еще?

– Это не я тебя предал.

– Не ты? А что ты здесь делаешь?

– Это не твое дело.

Орлов ударил ногой по земле, так что пыль и мелкие камни брызнули в лицо капитана.

– Ошибаетесь, капитан. Теперь все, что бы ни происходило, – мое дело.

Капитан Марио Галеано оказался крепким на боль... Впрочем, чего еще ожидать от человека, который попал в засаду в девяносто девятом у рынка Бакараха и продолжал отстреливаться, даже будучи раненным в живот и в обе ноги. Паломник подал ему его посох и бросил кусок чистой ткани, чтобы тот смог перевязать себе рану. Потом погнал его обратно в деревню, отставая метров на пятнадцать. С таким, как капитан Марио Галеано, надо было быть особенно осторожным. А в его руках даже простой камень мог стать смертельным оружием. Паломник это знал как никто – ведь именно капитан Галеано учил его ремеслу...

Деревня была совсем небольшой: несколько заброшенных домиков, дорога, ведущая куда-то в глубь острова, и небольшая церковь с домиком священника. Паломник предположил, что капитан живет именно в домике священника, и оказался прав.

Паломник дал своему наставнику позаботиться о ране, а затем выгнал его на улицу и привязал к стулу. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы этот человек находился вне поля зрения – существует масса способов освободиться от пут.

Сам же Паломник принялся обыскивать дома. Один за одним. Дома были старые, ни в одном из них уже не было целой крыши, небольшие террасы-огородики уже заросли дикими, не дающими плодов кустами, и он бросил эту затею. Из церкви – сложенной из того же горного камня, древней и убогой – кто-то вывез скамейки, всю религиозную утварь, от церкви тут остались только грубые доски с росписями на религиозную тему да окаменевший от времени воск. Но доски, составляющие алтарь, остались – и кто-то бросил в алтаре десяток современных, герметически закрывающихся прорезиненных мешков. Паломник открыл один, достал пакет, вспорол его ножом. Попробовал на вкус...

Так и есть...

Выйдя на улицу, Паломник схватил стул, к которому был привязан капитан Марио Галеано, и затащил его в заброшенную церковь. Бросил под ноги капитану полиэтиленовый пакет.

– Это как понимать?

Капитан отвернулся.

– Не твое дело. Уходи, пока еще можно.

– Нет, смотри, сукин ты сын, смотри! Ради чего меня предали – ради этого? Так, что ли, – ради этого? Ради нескольких мешков с кокаином, сукин ты сын? Вот цена долга? Вот цена присяги?

– Кокаин тут ни при чем! Я тебя не предавал!

– Да? Кокаин ни при чем? А почему у тебя здесь в алтаре мешки с кокаином, мать твою? Это за них ты продался?

– Перестань говорить глупости... – сказал капитан, – продался... Как ты здесь вообще оказался, мы думали, что ты умер.

– Нет, не умер. Остался жив – как бы ты ни хотел видеть меня мертвым.

– Я не хотел видеть тебя мертвым.

– Да неужели? Вот – я жив, а вот Айдид нет. Мертв, как вчерашняя рыба.

– Ты убил его?

– Да, капитан. Убил. Задание выполнено.

Капитан Галеано поскущел лицом.

– Уходи отсюда. Они скоро будут здесь. Приедут проверить.

– Кто приедет?

– Неважно. Вали, я попробую что-то сделать.

– Мне нужны ответы.

– Какие ответы тебе нужны?

– За что?

Капитан вздохнул:

– Не «за что». А «почему». Сам не понял?

– Так почему? Почему вы послали меня убрать Айдида, а потом сдали. Только не говори, что все это случайность. За мной охотились от самого Доло Одо. Я еще ничего не успел сделать, как они напали на дом.

– Это не мы тебя сдали!

– А кто?

– Ватикан! Ватикан, сукин ты сын.

– Ватикан? Какого черта...

– Такого. Ты влез в то, о чем не имеешь ни малейшего представления.

– При чем тут Ватикан?

– Ватикану нужен был Айдид. Это был их путь.

– Какой к чертям путь? Погоди-ка... Путь наркопоставок?

Капитан Галеано улыбнулся:

– Начинаешь умнеть. Кое-кто решил разменять тебя на поддержку Ватикана. Ему это показалось важнее, чем прямой контакт с Айдилом.

– Еще бы. Значит, я должен поверить в то, что Ватикан... как ты говоришь, и Айдид как-то связаны. Так вы поэтому послали меня тогда разобраться с Айдилом?

– Да, но не только.

– А почему еще? Потому что он мешал вам торговать наркотиками? Знаешь, я сильно поумнел за эти несколько лет, пока меня не было. Пожалуй, я тебе даже поверю. Айдид торговал – и вы торговали. Просто здорово.

– Я исполнял приказ.

– Какой к чертям приказ? Тех, кто торговал вместе с тобой?

– Послушай. Они скоро все равно заявятся, так что послушай. Все это государственная программа, понимаешь? Ты думаешь, что это моя дурь? Или эта дурь принадлежит мафии? Ерунда! Это все государство.

– Что? Чушь!

– Ты слышал про специальные программы? Нет, ни хрена не слышал, потому что не должен был. Это не больше чем зарабатывание денег для программ, которые необходимо финансировать. Только так можно заработать для этого достаточно. И мы делаем это, делаем то, что должны. Ты думаешь, мне нравится сидеть здесь?

Паломник плюнул на земляной пол.

– А знаешь что, капитан? Я тебе не верю. Расскажи это кому-нибудь другому – про долг, патриотизм и всякую прочую хрень. Вы просто группа сукиных детей, которые решили немного подзаработать, только и всего. Я даже знаю, кто еще кроме тебя входит в эту программу – Мануэле Кантарелла, верно? А для меня – может, и не только для меня – придумали красивую сказочку про государственный интерес, только и всего. Я угадал?

Капитан усмехнулся:

– Посмотри на меня, Паломник. Разве я похож на человека, который нажился на наркопоставках, а? Можешь мне поверить – никто тебя не сдавал. Просто среди нас оказался тот, кто работает на другую сторону, он-то тебя и сдал.

– На Ватикан.

– Именно. На Ватикан.

– Чушь.

– Правда. Лучше бы тебе уйти...

– Да?

– Прислушайся...

Паломник сделал то, что велено. И мгновенно насторожился, как охотничья собака.

– Кто это? Твои дружки из мафии?

– Беги в горы.

– Да вот хрен...

Оттащив в сторону стул с привязанным к нему человеком, Паломник выглянул на улицу, оценивая позиции. Занять позицию в церкви смерти подобно, здесь только один выход. Но вот на въезде в деревню...

Боевиков было трое – как минимум. Один за рулем, двое впереди, дорога была опасной, долго не подновлялась – и здесь запросто можно было потерять машину, а заодно и самому свернуть шею. Поэтому один был за рулем, двое шли впереди, проверяя дорогу. Машина как нельзя лучше подходила к местным суровым условиям, пятидверный «Фиат Кампаньола», лицензионный вариант «Джипа Чероки». У каждого из идущих перед ней боевиков в руках было оружие армейского образца – штурмовые винтовки. Но они больше уделяли внимания твердости дороги, чем тому, что происходило вокруг – за это и должны были поплатиться...

Паломник сменил двадцатиместный магазин в винтовке на удлиненный, сорокаместный. Позиция была идеальной – справа сверху. Когда машина поравнялась с небольшим валуном, он открыл автоматический огонь по машине и по людям...

Все решилось в считанные секунды. Десяти патронов хватило на то, чтоб свалить обоих автоматчиков, остальное он выпустил по машине, стремясь попасть по крыше и лобовому стеклу. Боевики, идущие впереди машины, повалились разом, кто-то в машине уцелел, перекинул коробку на задний ход и дал газу. Паломник сменил магазин и выпустил еще несколько очередей по машине. Машина внезапно чуть дернулась в сторону – и застыла над пропастью. Правое заднее колесо свалилось под откос, машина зацепилась брюхом...

Держа мертвых боевиков на прицеле, Паломник спустился на дорогу. В карманах документы, самые обычные, гражданские; Паломник сунул их в карман, потом можно будет переделывать. Немного денег, у одного мятная жвачка, у другого – самодельная, из смолы. Две автоматические винтовки – ими он не заинтересовался, у него лучше.

В автомобиле еще двое, оба мертвы. Кровью воняет как на бойне. Он не полез до пассажира, машина могла в любой момент все-таки покатиться и упасть в пропасть, но водителя обыскал. Еще деньги, выданные в Лацио водительские права, паспорт. На заднем сиденье машины – прикрытый заботливо одеялом легкий бельгийский пулемет с лентой на двести патронов в коробке. Короткий десантный вариант, под тысячу выстрелов в минуту, такого нет у самых отмороженных бандитов и грабителей банков. Кто это такие?

Паломник закинул пулемет за спину на ремне и пошел назад...

Мир как будто застыл расплавленным железом. В зарослях кричали какие-то птицы...

В последний момент Паломник понял, что дело дрянь. Шарахнулся в сторону, уходя от выстрела. Выстрел был глухим, гулким – автоматическая пехотная винтовка винтовочного калибра. Паломник прыжком вломился в развалины того, что когда-то было домом горцев – за мгновение до того, как пуля выбила угловатый камень из кладки...

Хорошо сидит...

Винтовка. Пулемет. Можно жить.

– Ну, кэп! – заорал изо всех сил Паломник и сам испугался своего голоса, – вот ты и выдал себя! Прекрасно! Белиссимо!

Какое-то время было гробовое молчание. Даже птиц, испугавшихся выстрелов, не было слышно. Потом капитан крикнул откуда-то справа:

– Дурак! Идиот!

– Помнишь, капитан?! При захвате особо опасного противника целесообразно сломать ему руки в запястьях или хотя бы оба больших пальца...

– Дурак!

У них был цугцванг. Капитан с мощной винтовкой знал местность, но не мог ничего сделать, потому что его винтовка не пробила бы каменную кладку развалин. Паломник был куда лучше вооружен, и он был моложе. И оба они знали, что Паломник будет сидеть в укрытии до темноты, которая уравнивает шансы.

– Зачем ты продался, капитан?! – заорал Паломник. – Неужели тридцать сребреников стоят того? Что ты на них купил – это?

– Ты напрасно идешь по этой дороге! Уходи и забудь!

– Ага! Щас!

Если только у него гранаты...

Паломник начал прикидывать: кустарник – прекрасная сигнальная система. С тыла никто не подберется, но и ему самому там не выбраться. Ему придется буквально прорубаться через эти заросли, шум предупредит капитана, и он сделает свой ход.

Кто первым пойдет, тот и проиграет...

Внезапно Паломник услышал шум, от которого похолодела кровь. Шум вертолетного винта, вертолетной турбины. Вертолет – самое страшное, что только может быть против легковооруженных инсургентов.

– Вот и все! – вдруг заорал капитан.

Паломник только сильнее вжался в землю. Неподвижность – единственный шанс выжить. Не стать дичью, на которую охотятся с воздуха. Если он побежит, его расстреляют в секунду.

Вертолет прошел совсем низко, почти над самым его укрытием – Паломник не видел, какой он, потому что лежал, не поднимая головы. Он ожидал очереди, от которой полетят во все стороны камни, а потом пули достанут и его. И очередь прозвучала... но ничего такого не было: ни пыли, ни камней. А потом еще одна. И только тогда Паломник рискнул подняться.

Вертолет висел чуть в стороне, расстреливая с пулемета, установленного в бортовом люке, старую церковь. Он висел кабиной в противоположную сторону от того места, где залег Паломник, и хвостовым ротором к нему. Лопасты бешено вращались, поднимая пыль. Гражданский вертолет, одна из моделей «Аугусты», красного цвета.

Хвостовой ротор!

Вертолет – смертельно опасный противник для боевого пловца, действующего что на суше, что в воде, поэтому борьба с вертолетами – первое, чему их учили. Самая уязвимая точка вертолета – не кабина, не турбины, – а хвостовой ротор. К нему ведет длинный, недублированный и находящийся под нагрузкой вал, сам хвостовой ротор приводится этим валом через редуктор, в котором есть смазка. Даже автоматная пуля может повредить этот редуктор, масло вытечет, и тогда до катастрофы останется максимум несколько минут... и то вряд ли. Вертолет начнет беспорядочное вращение вокруг своей оси, и...

Паломник вскинул пулемет и открыл огонь по хвостовому ротору. Он выпустил не меньше сорока пуль, прежде чем в вертолете кто-то что-то начал понимать. Вертолет начал разворачиваться в его сторону, чтобы обдать его градом пуль из бортовой пулеметной установки... Паломник залег за стеной, надеясь, что пули ее не пробьют. Но вертолет так и не открыл огонь. Паломник лежал и слышал, как раздался какой-то треск... а меньше чем через минуту что-то с чудовищным грохотом упало совсем неподалеку...

Капитан Марио Галеано лежал рядом с разгромленной церковью... и он был еще жив. По всему было видно, что это ненадолго. Опытный взгляд Паломника моментально сказал ему, что капитану Галеано, его наставнику и учителю в отрядах, – не поможет уже никто и ничего.

Винтовки у него не было. Невдалеке догорал вертолет...

Увидев Паломника, капитан попытался встать и не смог. Паломник опустился на колени, достал аптечку, начал обрабатывать его раны. В живот попало не меньше двух пуль, плюс возможна травма позвоночника, и еще одно ранение – выше, в мягкие ткани. Возможно, даже двух пакетов, которые были у Паломника, не хватит...

Надо сделать укол – от болевого шока гибнет больше солдат, чем от самих ранений.

Капитан оттолкнул руку со шприц-тюбиком.

– Не надо...

– Молчи...

– Не надо. Я... не смогу говорить.

– И не надо. Надо...

Капитан снова дернул рукой.

– Не трать... Все равно... не поможет.

– Да пошел ты...

– Перетаси меня... в церковь. Я хочу... умереть там...

Паломник понял, что все бесполезно. Начал раскатывать плащ-палатку, чтобы уложить на нее капитана.

В церкви, несмотря на пулеметный обстрел, было удивительно спокойно. Через дыры в стенах, проделанные пулями пулемета, сочился свет. В лучах света плавали пылинки, тянуло дымом с места падения вертолета...

Капитан все еще был в сознании.

– Помолись... за меня... – сказал он.

Паломник отрицательно покачал головой.

– Я теперь другой веры, друг. Не католик.

– Помолись... как сможешь... твоя вера крепче... многих. Ты страдал за нее... и воевал за нее...

– Я страдал из-за предательства.

– Ты страдал... из-за веры... – сказал капитан, – иногда я думаю... неужели Христос хотел того... что мы делаем сейчас.

– Наверное, нет...

– Ты прав... нет. Тех, кто сегодня служит мессы, он выгнал бы... из храмов, как выгнал меня. Помолись... а я тебе все расскажу.

Паломник посмотрел по сторонам – на стене рядом с ним было совсем не поврежденное изображение Святой вечери. Чуть наивное – Христос и его ученики были изображены рыбаками, как и те, кто строил эту церковь. Но это изображение в расстрелянной из пулемета церкви было дороже, чем алтари в храмах Ватикана. Паломник был уверен в этом, потому что это изображение простые люди писали с любовью. Алтари в ватиканских храмах писали за большие деньги... и что угоднее Господу?

Паломник помолился, обращая к Господу простые, но честные слова, прося его о помощи и обещая покарать тех, кто нес на этой земле зло.

– Теперь... слушай.

– Я буду говорить, а ты кивай. Кантарелла-младший – он замешан?

Капитан кивнул головой.

– А его отец? Это их рук дело?

– Не только... их.

– А чьих. При чем тут Ватикан?
– Я... знаю... не все.
– А кто знает?
– Хасим... Хасим Ташид... Албания... он торгует детьми... наркотиками... органами... он знает больше... прости меня Господи... прости за все...

Примерно через полчаса Паломник вышел из церкви. Посмотрел на восток... там горела подожженная разлившимся вертолетным топливом пересохшая трава. Пожар распространялся.

Пулемет за спиной, винтовка в руках – Паломник широким шагом направился на восток, к побережью. В его ушах по-прежнему звучал голос капитана, говорившего то, во что разум отказывался поверить...

Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести¹.

Клянусь, что задуманное мною не зло.

Клянусь, что все содеянное мною не зло.

Просто – они должны поплатиться...

8 июня 2014 года

Берлин

Тиргартенштрассе, 4

В этот день после нескольких дней дождя, размокших газонов и зонтов на тротуарах впервые выглянуло солнце. Прохожие сняли плащи, спасавшие их от дождя, а юные берлинские фроляйн радовались новой возможности подарить городу свою красоту, молодость и свежесть. На медленно катящийся по мостовой «Хорьх» с тонированными стеклами и правительственными номерами они глядели украдкой: кто с затаенным страхом, кто оценивающе. Вот только человеку, сидящему в «Хорьхе», до этих взглядов не было никакого дела. Он и со своей женщиной поссорился... не говоря уж о всем остальном.

Генерал-майор сил полиции доктор Манфред Ирлмайер уже три дня был нервным и раздражительным, причем градус этой раздражительности отнюдь не становился ниже. Игра в Риме, игра во всем Средиземноморском регионе была его детищем, его путеводной звездой, его талисманом. Она помогла ему вернуться в Берлин, занять ключевое в системе имперской безопасности место начальника гестапо – и само понимание того, что что-то происходит не так, что кто-то приблизился к его схеме достаточно, чтобы помешать, приводило Ирлмайера в ярость. Это не давало ему спать, не давало покоя, не давало сосредоточиться на делах, отбросив все лишнее. Он знал: если ты не обращаешь внимания на проблему – рано или поздно она обратит внимание на тебя...

Вилла на Тиргартенштрассе, 4 – удивительно, но в центре Берлина были виллы! – принадлежала ведомству Имперского уполномоченного по делам Африки, то есть человеку, от которого во многом зависела карьера доктора Ирлмайера несколько лет назад. Но не сейчас. Назначение Ирлмайера спутало берлинским игрокам все карты. Ирлмайер знал, что имперский уполномоченный доктор Бах «приемлет за пазуху», говоря библейскими понятиями. Или берет взятки, говоря понятиями Уголовного уложения. Отлично понимая, что взятки берут все и доктор Бах не самый жадный из взяточников, Ирлмайер, приняв гестапо, не принял никаких мер против Баха, но дал ему понять, что отныне его карьера имперского чиновника – в его, Ирлмайера, руках. Это дало ему возможность создать за счет ведомства Имперского уполномоченного по делам Африки еще один, запасной аналитический штаб, с небольшой, но опыт-

¹ Римлянам 13:5.

ной группой аналитиков и командой оперативников, причем размещенных на местах, в нужных точках. В условиях, когда на осуществление принятого решения остаются дни, а не часы, иметь своих людей, внедренных на местах, чрезвычайно важно. В частности, именно эти люди провернули основную работу по контролируемому перевороту в Сомали. Расходы на их содержание были скрыты в гигантском «африканском» бюджете, и доктор Бах никогда не вспоминал о «своих» агентах. Доктор Ирлмайер навещал штаб раз в три дня, когда была возможность, расписывал бумаги и сам решал, какую информацию передать Баху для легального использования...

«Хорьх» вкатился в причудливо оформленные чугуном ворота, прокатился по короткой, обсаженной регулярным кустарником дорожке и остановился на мощенной булыжником площадке. Доктор Ирлмайер взял портфель и вышел из машины, не сказав, на сколько он здесь задержится. Это было свидетельством дурного настроения...

Начальником «Рефературы 3» – так она проходила по отчетам – был старый и опытный доктор Вильгельм Панхе. Опытный экономист, в разведку он попал совершенно случайно, но проявил там себя как хороший аналитик и опытный организатор. Доктор Панхе был специалистом по переходным типам экономик, потому он помотался по африканским и латиноамериканским странам, знал местное чиновничество лучше, чем оно того хотело бы, мог самостоятельно делать очень прозорливые выводы и не боялся принимать решения. Дополнительным доводом в его пользу было то, что доктор Панхе был богат, разбогатев на спекуляциях Франкфуртской фондовой биржи. Для гражданских это было минусом, они считали, что имперский чиновник не должен использовать полученную информацию для личного обогащения. В глазах доктора Ирлмайера это было, безусловно, плюсом – он не доверял больным врачам, получившим ранение солдатам, преследуемым по закону юристам и бедным экономистам. В этом была своя сермяжная правда: если ты сам не богат, как ты можешь учить науке о скудости и богатстве других?

Когда Ирлмайер вошел в кабинет, доктор Панхе никак не поприветствовал его. Надев свои очки (минус семь), он увлеченно читал газету на испанском. Ирлмайер пригляделся – «Эль Паис».

Когда начальник гестапо понял, что Панхе так и не заметит его, он громко кашлянул. Доктор Панхе оторвался от газеты, глянул на начальника гестапо своими совиными глазами.

– О... доктор Ирлмайер...

– Есть что-то новое?

– Да, безусловно. Ваш последний запрос... особой важности.

Панхе сразу переходил к делу, и это тоже внушало уважение. Он ценил свое время – и точно так же ценил и чужое.

– Да? – подался вперед Ирлмайер.

– Мы выследили вашего человека. Он наследил в Танжере, Каире и потом сразу же в Алжире. Проявил активность, так сказать...

– Где материалы?

– О... пожалуйста.

Доктор Панхе снова погрузился в испанскую газету, а генерал-майор Ирлмайер нетерпеливо разорвал конверт.

Кажется, это начало. Каир... Активные действия. Во время его пребывания в городе произошел сильный взрыв в центре. Пострадал североамериканский разведчик... грубая работа. Тем более и незаконченная – разведчик жив. Убитые полицейские. Как скрылся из страны, непонятно. Алжир. Информация по Алжиру была полнее всего – там удалось «сдоить» информацию с действующего агента. Совместная операция... нет, совместной операцией это назвать нельзя. Скорее, работа французов по информации, которую дали русские. Провал, цель не достигнута. Генерал Абубакар Тимур. Генерал Абубакар Тимур...

Ирлмайер знал о генерале Абубакаре Тимуре. Но он был врагом России, а не Священной Римской Империи – это далеко не одно и то же. Ирлмайер не испытывал добрых чувств к России, он считал, что после победы над британцами Россия чрезмерно усилилась. Хуже того – она показала себя способной на подлость, тщательно просчитанную игру, примерно такую, в какую раньше играли с континентом англичане. В принципе... англичане сами напросились на неприятности... своей неумеренной наглостью в сочетании с самонадеянностью и глупостью. Это их идиотское стремление бросаться очертя голову на врага. Как только русские заставили их напасть на своего же союзника... Ирлмайер дорого бы дал, чтобы узнать все подробности... просто для общего развития как разведчика и манипулятора людьми. Но сейчас британцев от континента отделяет Английский канал, североамериканцев и вовсе океаны. А вот немцев от России ничего не отделяет. И надо быть осторожным... если живешь рядом с драконом, изволь с ним считаться.

Так что Ирлмайер считал генерала Абубакара Тимура полезным элементом людской популяции. Нет, конечно, если он попадется в руки немцам... его можно попробовать продать русским... но пока он на свободе. В условиях резкого нарушения баланса сил важно иметь хоть какие-то рычаги давления на столь опасного противника, как Россия, и генерал Абубакар Тимур не худший из рычагов.

Значит, Воронцов охотится на генерала Абубакара Тимура? Но что он тогда делает в Италии? Почему он сует нос в то, что его не касается?

Одни вопросы...

– Земли в Чили подорожали... – сказал Панхе.

– Что? – недоуменно переспросил Ирлмайер. Он был так поглощен делом, что земли в какой-то Чили были для него на другой планете.

– Кто-то скупает земли в Чили, – любезно объяснил Панхе, – цены необъяснимо поднялись. Причем на те участки, где нет меди, нет виноградников, нет ничего. Это могут быть японцы – Северная Америка ослабла, и они могут еще раз попытаться...

– Все здесь?

Теперь недоуменно посмотрел Панхе:

– По Воронцову? Да, да... конечно, все.

– Отлично, – Ирлмайер сгреб материалы, – продолжайте отслеживать ситуацию. Танжер, Каир, Алжир – под особое внимание.

– Конечно, сделаем. Но здесь есть еще...

– Позже, – Ирлмайер улыбнулся улыбкой, которая могла заставить человека со слабыми нервами броситься наутек, – благодарю вас, вы здорово выручили меня.

– Не за что, доктор...

Ирлмайер уже вышел в коридор.

До машины он почти добежал, то было на самой грани приличия – начальнику гестапо не пристало бегать как курсанту. Плюхнулся на заднее сиденье...

– Гони на Принцальбрехтштрассе. Сирену включи.

– Есть. – Водитель включил сирену.

Ирлмайер хотел его выругать: какой идиот включает сирену здесь, привлекая внимание к скромному особняку уполномоченного по Африке, – нужно было включить ее после того, как машина выедет на улицу. Но он ничего такого не сказал – подняв внутреннюю перегородку, он начал перебирать бумаги, буквально впитывая их содержание.

Под вой сирены «Хорьх» вылетел на улицу.

На Принцальбрехтштрассе доктор Ирлмайер буквально ворвался в свой кабинет.

– Графта, живо, – бросил он секретарю.

В ожидании Графта он попытался включить компьютер, но не смог. Выругался последними словами.

Влетел Графт.

– Пиши. Оперативные задания особой важности.

Графт выхватил прошнурованный блокнот и ручку.

– Первое. Обратить внимание на дату... двадцать восьмое мая этого года.

– Двадцать восьмое мая...

– Так... проверить все рейсы на Каир за этот день из всех аэропортов Италии и... еще, пожалуй, Хорватии. И... на два дня вглубь.

– В обе стороны?

– Нет, только назад. Вперед смысла нет. Мне нужно все необычное... кто купил билеты прямо в аэропорту, у кого были билеты с открытой датой, кто летел первым классом и тому подобное. Записал?

– Так точно.

– Второе. Каир, криминалькомиссару Зольге, лично. Поднять все данные по взрыву в этот день. Кто взорвался, как взорвался, зачем взорвался. Какие последствия. Данные – немедленно мне в любое время дня и ночи.

– Так точно... – Карандаш стремительно бегал по бумаге.

– Третье. Танжер... Оберсту Бухеру. Все данные по мафиозной активности Коза Ностра в городе за последних два года. Особое внимание – на связи Коза ностры и русских. Где, с какого периода, кто на связи. Записал?

– Так точно.

– Алжир. Генералу Варфелю... это повежливее. Пусть выяснит по своим каналам о спецоперации в Касбе, имевшей место четвертого июня. Особое внимание – на роль русских в этой операции. Записал?

– Да.

– Отдельно – оперативные сводки мне на стол. Каир, Танжер, все по Италии, Алжир. И бегом, бегом!

– Есть!

Графт выскочил за дверь.

Генерал Ирлмайер оперся кулаками о стол. Еще десяток лет назад для получения такого объема информации требовалось бы несколько суток... за это время события непоправимо бы обогнали ритм расследования. Но сейчас...

Сейчас...

Начальник гестапо взглянул на часы. Время ехать домой... но смысла ехать нет. Он просто не сможет ни на чем сосредоточиться, снова будет неприятный скандал. Надо остаться здесь... во избежание...

Генерал поднял трубку внутреннего телефона, нажал единицу.

– Фрейлейн Ирма... – вежливо сказал он, – позвоните домой, предупредите: я ночую на работе. Потом закажите мне кофе, ужин в столовой и можете идти. Дверь не запирайте...

Про то, что о своем намерении ночевать на работе он должен был сообщить лично, Ирлмайер и на секунду не подумал. Сбросив пиджак, он пошел в комнату отдыха. Надо было хоть немного поспать...

Данные появились на его столе в четыре часа утра следующего дня. К этому времени доктор Манфред Ирлмайер удовлетворительно отдохнул, выпил крепчайшего кофе, принял две таблетки антацида и снова готов был к беспощадной войне. К войне с врагами рейха... кем бы они ни были...

Красным маркером он разметил список пассажиров Алиталии из Рима и отдал его на перепроверку – теперь только подозрительные фамилии. Теперь он сидел и читал данные по Каиру. Майкл Рейвен, значит.

Английский язык он знал.

Запросив данные по внутренней информационной сети, через две минуты он получил две фотографии. Хорошую, переснятую из удостоверения фотографию князя Александра Воронцова, установленного русского разведчика, тогда еще не вице-адмирала, а простого лейтенанта флота, проходившего практику в Киле и получавшего временный зольдбух. И фотографию Майкла Рейвена, установленного североамериканского разведчика, последнее место службы – Каир, статус – активен...

«Временно неактивен», – мысленно поправил Ирлмайер.

Положив две фотографии рядом, он какое-то время всматривался в них, переводя взгляд с одной на другую.

Ну и ну... А североамериканцы, интересно, знают?

У входа замигала зеленым лампочка. Кто-то с пропуском пытался войти. Ирлмайер нажал на кнопку.

Вошел Графт.

– Герр Ирлмайер... данные по каирскому рейсу.

– Ну? – Ирлмайер не прикоснулся к распечатке.

– Так и есть. Один номер заявленного паспорта не совпадает.

Да, так и есть. Просто немного подумать, и все.

Начальник гестапо взял распечатку, посмотрел. Луиджи Фабрицци... ну, здравствуйте, генерал Абубакар Тимур. Так вот как вы выглядите сейчас. Конечно... сейчас вы либо в пути, либо забились в какую-нибудь дыру. Или лежите в швейцарской клинике и делаете пластическую операцию. Но все равно интересно.

Сукин ты сын, и что ты забыл в Риме, спрашивается? Ведь если ты что-то знаешь о том, что я задумал, – лучше тебе самому сдаться русским.

– Проверьте этот паспорт и это имя, – приказал Ирлмайер, не отрывая глаз от распечатки, – посмотрим, где еще все это всплывет.

– Есть.

– Стоять...

Графт, уже сорвавшийся выполнять поручение, застыл на месте.

– Кристина Уоррен, – задумчиво проговорил Ирлмайер.

– Что, простите?

– Кристина Уоррен, – повторил Ирлмайер...

– Купила билет перед самым отлетом, – сказал Графт.

– Ну и зачем она это сделала? – спросил Ирлмайер. – Единственная британская подданная на этом рейсе. И купила билет перед отлетом...

– Не могу знать.

– Это риторический вопрос, Графт, – с усталой мудростью в голосе сказал начальник гестапо, – он не требует вашего неопременного ответа. Вы путешествовали на дальние расстояния самолетом, Графт?

– Так точно... – несколько растерянно сказал Графт, – я провел последний отпуск в Буэнос-Айресе, господин генерал-майор.

– Хороший город, – несколько растерянно сказал Ирлмайер, – действительно хороший. Летели «Люфтганзой»?

– Никак нет, «Иберией», через Мадрид. С пересадкой дешевле.

– Вот именно, – сказал Ирлмайер, – вам, конечно, дали сразу два билета – до Мадрида и из Мадрида до Буэноса-Айреса, верно?

– Так точно. На рейсах со стыковкой всегда так делают.

– Ну а теперь скажите мне, Графт, кто полетит в Каир... скажем, из Лондона, не купив заранее билет из Рима до Каира, рискуя, что в последний момент билетов просто не останется. Вот вы бы, Графт, рискнули лететь в стыковочный аэропорт, зная, что билета может не оказаться и вы останетесь в аэропорту на сутки-двое?

– Никак нет, господин генерал-майор.

– И я бы не рискнул. Не хочется терять драгоценные вакационные дни, не так ли, Графт? Можете не отвечать, это снова риторика. Итак, вы знаете, что делать?

– Так точно.

– Нет, не знаете, – сказал Ирлмайер. – Найдите прежде всего данные регистрации пассажиров на рейс. Они сейчас все в компьютерах, и эти идиоты предпочитают облачное хранение данных². Посмотрите, когда зарегистрировался на рейс Луиджи Фабрицци и когда – фрейлейн Кристина Уоррен. Если фрейлейн зарегистрировалась первая, значит, у меня начинается паранойя. Если через несколько минут после Фабрицци, – значит, копайте дальше и как можно глубже. Кто она, на кого работает, замужем или нет, есть ли любовник, какова ее семья, сколько денег на счете в банке и как она их заработала. В общем, не делайте лишнюю работу, Графт, понятно? Это тоже риторический вопрос. Теперь идите.

14 июня 2014 года

Берлин

Разведка каждой страны имеет свой несомненный почерк и свои особенности, благодаря которым профессионалы всего мира опознают друг друга, встречаясь на темных и извилистых тропках, на которых зачастую можно пройти лишь одному. Разведка – это более искусство, чем презренное ремесло, и, как все люди искусства, разведчики каждой страны имеют свой почерк, свою манеру письма картин, которые, правда, не более чем фон для изощренной лжи.

На первом месте во всем мире, безусловно, стоит разведка Британской Империи. Она самая старая из всех – организация, занимающаяся тайным отстаиванием интересов британской Короны по всему миру, тайно существует как организация уже более двухсот лет, а сама разведка в современном ее понимании ведется Британией не меньше шестисот последних лет. Британцы обладают огромным опытом в части манипуляций и психологической войны, их излюбленным почерком является распространение дезинформации и возбуждение враждебных сообществ в странах, против которых Британия ведет игру. История шпионажа полна примерами того, как Британия непрямыми (тогда этого термина еще не было) действиями добивалась вполне реальных стратегических успехов. «Математик» Ди предсказал разрушительное воздействие приливов – и это не позволило испанцам набрать достаточное количество опытных моряков и солдат в «Непобедимую» армаду. Британия поддержала откровенных пиратов – и пираты разрушили как Голландскую, так и Испанскую империю, нападая на чужие торговые корабли и грабя их. Британия поддержала революционеров во Франции – и их откровенный враг и соперник сгинул в бездне кровавого революционного угара. Британия активно действовала против Российской Империи – тут и польские мятежи, и мятежи в Туркестане, и проект независимости черкесов, и Крымская война, и поддержка коммунистов. Британские разведчики передавали друг другу опыт и агентов в поколениях, не раз так бывало, что где-нибудь на Востоке в какой-нибудь семье британскими агентами были и дед, и отец, и сын – несколько поколений семьи, одно за одним. Династии разведчиков были и в Лондоне – сын Джона Ди, лекарь и отравитель Артур Ди работал при русском дворе, где защищал интересы Британии. Британцы были небольшими поклонниками острых акций, убийств каких-то конкретных лиц, гораздо охотнее они возбуждали массовые мятежи и волнения, ослабляя государственность противника. Но если было необходимо, они решительно шли на убийство, причем переход

² То есть не на своих серверах, а в Сети.

между уговорами и убийством проходил внезапно и совершенно без внешних признаков для жертвы.

Совершенно другим подходом к разведке отличалась Священная Римская Империя Германской нации. Разведка Священной Римской Империи родилась относительно поздно: как второй отдел Генерального штаба, возглавляемый полковником Вальтером Николаи, он поспел как раз к Великой войне и внес немалый вклад в победу германского оружия. Но до тридцатых годов гражданской разведки в Германии не было вообще, и все, чем она интересовалась, – это армия и флот противника. Это не значило, что Вальтер Николаи не пытался приобрести агентов влияния – пытался, и очень охотно. Но эти агенты влияния опять-таки обязаны были выведывать лишь военные планы противника, численность, подготовку и оснащение его армии и флота. Такой узкий подход к разведке господствовал до тридцатых годов.

Создание настоящей германской разведмашинки было связано с человеком по имени Генрих Мюллер. Бывший офицер ВВС, Воздушного флота рейха, после демобилизации он был направлен на работу в Баварскую криминальную полицию, где проявил недюжинные способности. Его путь был схож, в общем, с жизненным путем шефа североамериканского ФБР Джона Эдгара Гувера. Как и Гувер, Мюллер начал с наведения порядка в картотеке организации системы заведения и пополнения досье на людей, казавшихся подозрительными, – до этого такое не было принято, досье было только на тех, кто уже совершил какое-то преступление. Истинный трудоголик, он не брал выходных, мог работать до двенадцати часов ночи, нередко ночевал в кабинете, где держал кушетку. Несколько лет такой работы принесли ему успех: раскрываемость преступлений в Баварии была самой высокой в Германии, иногда преступников брали тогда, когда они возвращались к себе домой, сделав дело. Успехи Мюллера принесли ему должность сначала начальника Баварской криминальной полиции, а потом и полицейпрезидента Пруссии, важнейший на тот момент пост в спецслужбах Священной Римской Империи. После покушения коммунистов на кайзера в тридцать втором именно его вызвал кайзер и поручил ему реорганизацию спецслужб. Мюллер принялся за дело с рвением истинного военного служаки, и уже в тридцать третьем появилось РСХА – Главное управление имперской безопасности.

Именно РСХА стало и до сих пор являлось стержнем германской да, наверное, и общеевропейской системы безопасности. В него на момент создания входили семь главных управлений: первое (кадры, учеба и организация), второе (административное, правовое и финансовое), третье (по делам Африки, патронируемых и оккупируемых территорий, ему же подчинялась система лагерей для преступников и тюрем), четвертое (тайная государственная полиция, гестапо), пятое (общекриминальные проявления, не представляющие значительной опасности для рейха), шестое (общая заграничная разведка), седьмое (архив, справки и документация). Мюллер возглавлял созданное им детище на должности «полицейпрезидент и генеральный комиссар безопасности рейха»³ до семидесятого года. После его смерти РСХА хотели разделить, но сам кайзер воспротивился этому и наложил вето на решение рейхстага. К этому вопросу возвращались лишь правозащитники, которыми занимался первый реферат четвертого управления РСХА (разлагающее влияние) и которым совсем не улыбалось жить под колпаком. Недавно генерал-полковник сил полиции и генеральный директор РСХА доктор Элих выступал по рейхстелевидению и в ответ на явно провокационный вопрос о тотальной слежке широко улыбнулся и ответил: «Невиновным бояться нечего».

В разведывательной деятельности немцы действовали грубее англичан, хуже плели долгосрочные комбинации и гораздо легче шли на острые акции. Вероятно, это было связано с тем, что в структуре РСХА было немало людей, которые отслужили какое-то время в Африке, а Африка нервному здоровью, буддийскому спокойствию и вере в человека совсем даже не

³ После смерти Мюллера это звание больше никому не присваивалось.

способствует. Немецкие разведчики широко сотрудничали со своей армией и часто использовали солдат парашютно-десантных войск и горных егерей для каких-то своих акций. Немцы были лучше, чем кто бы то ни было, подготовлены физически: в стране действовала программа обязательного и бесплатного физического совершенствования для детей, немало делалось и в Рейхсвере. Так, на последних Олимпийских играх трое золотых медалистов оказались самыми настоящими бойцами Рейхсвера, причем не зачисленными в Рейхсвер, а реально там служащими. Проблемой немцев было то, что они предельно скверно умели лгать и притворяться, а также не умели разыгрывать хитроумные комбинации с непрямым воздействием на ситуацию. Впрочем, были у немцев и хитроумные разведчики...

На третьем месте – а по мнению некоторых людей, и на втором – находилась разведка Российской Империи. У русских была лучшая в мире контрразведка, находящаяся в ведении МВД – так в России называлась полиция, но у них в одном министерстве была объединена борьба как с преступностью, так и со шпионажем и терроризмом. Связано это было с тем, что Россия в двадцатом веке прошла долгий и кровавый путь внутренней борьбы, и иногда казалось, что государство вот-вот не выдержит и развалится на части. Примерно до семидесятых годов Россия боролась, прежде всего, в самой себе, ей было не до разведки. Коммунисты, которые в шестнадцатом году устроили кровавый, подавленный пулеметами и пушками мятеж. Злоумышления и покушения двадцатых: эсеры и коммунисты развернули настоящий внутренний террор, в ответ армейские офицеры создали крайне правые заговорщические организации, которые вели настоящую войну против левых: доходило до того, что взрывали и расстреливали из пулеметов студенческие и рабочие собрания, не деля на правых и виноватых. Часть эсеров во главе с Борисом Савинковым перешли на сторону крайне правых и оказались самыми жестокими и кровавыми преследователями коммунистов – они убивали, убивали и убивали. Убивали крестьян, рабочих, друг друга. Все двадцатые и тридцатые годы то тут, то там вспыхивали крестьянские восстания, направленные не столько против государства, сколько против богатых крестьян и аристократов с их поместьями. В поместьях стояли пулеметы и даже легкие пушки, оборона поместий стала с тех пор любимой детской игрой с оружием в России. На юге, чуя большую кровь, действовали исламские экстремисты, подталкиваемые Британией, а может быть, и Германией: до конца тридцатых годов мало кто верил, что Российской Империи удастся удержать Восток за собой. Террор, террор и еще раз террор всех цветов: красный (коммунистический), черный (эсеровский и потом савинковский), белый (офицерский), зеленый (исламский). Террор удалось унять только к концу пятидесятых после того, как совместными усилиями русских и североамериканцев были разгромлены троцкистско-коммунистические центры в Латинской Америке. Но с тех пор у России была самая сильная полиция и контрразведка, при относительно небольшой численности добивавшаяся просто поразительных результатов.

Что же касается разведки, то она начала активно развиваться только к концу тех же пятидесятых, а свой почерк у русских появился еще позже. За внешнюю разведку в России отвечало сразу несколько ведомств: Собственная, Его Императорского Величества Канцелярия, МВД с его Заграничным департаментом, официально занимающимся преследованием преступников, совершивших преступления в России и сбежавших за границу, МИД имел «отдел специальной документации». Еще были две структуры, которые занимались военной разведкой и представляли собой уникальный гибрид разведывательной службы с силовым прикрытием. Это Главное разведывательное управление Генерального штаба и Управление разведки Главморштаба. И та и другая служба располагала доступом к спутникам, данными с которых они делились со всеми остальными, и та и другая служба имела в своем составе элитные части специального назначения, которые могли мгновенно оказаться на другом конце земного шара и начать действовать. Таких «разведывательно-силовых» структур в мире больше не было кроме разве что разведки морской пехоты САСШ – и их наличие делало Россию главным игроком в борьбе с терроризмом. Только русские могли вести активную силовую разведку в зонах

локальных конфликтов. Все остальные имели особо подготовленные части для таких целей, но аналитиков и агентуристов среди них не было. А вот у русских они были.

Почерком классической разведки русских было глубокое и длительное внедрение. Русские были подлинными хамелеонами: их разведчиков специально и очень долго готовили, они знали языки и обычаи других стран, могли внедриться куда угодно. Русские проигрывали на коротких дистанциях, но стратегические операции с долговременным эффектом им удавались на «отлично». Играло свою роль то, что русские в отличие от англичан не презирали никакие народы и тот же русский после специальной подготовки вполне мог стать арабом (не быть похожим на араба, а именно стать арабом) и внедриться в террористическую организацию на длительный срок. Англичане в чуждой для них среде были заметны, а вот русские нет, они могли сойти за своего в любом окружении. Это было их силой. Русские крайне осторожно подходили к проблемам острых акций. Если в вопросах терроризма они были безжалостны, уничтожая, прежде всего, своих же злоумышляющих подданных, то на убийство граждан других стран они шли редко и неохотно. Но если такое решение было принято, оно неизменно выполнялось с присущим русским византийским коварством.

Далее шла разведка Франции. Второе бюро, Сюрте, разведка жандармерии, разведка Иностранного легиона. Французы были людьми с уникальной судьбой. Потеряв свою Родину сначала в ходе незаконных революций и кровопролития, а затем в ходе бесславно проигранной войны, они приобрели новую Родину, по размерам даже больше, чем первую. Проблема была в том, что она располагалась не в самом лучшем месте – на северном побережье Африки. Но французы извлекли уроки из поражения: введя военную диктатуру, они принялись обустроить свою новую землю с присущей галлам настырностью и свирепостью, родившейся после военного унижения Великой войны. Против них были все. Священная Римская Империя была не против прибрать к рукам и их земли в Африке. Англичане хотели в очередной раз приобрести союзников, а если не получится союз, то и вассалов. Местные племена, зараженные исламом, хотели независимости. В ходе долгой и кровавой войны, продолжающейся до сих пор, французы отстояли и укрепили свою страну. Их спецслужбы во многом копируют русские, только у них не хватает русского размаха и огромных ресурсов, какие русские привлекают при необходимости, нет у них и присущей русским способности быть хамелеонами, растворяться в любой среде.

Отличительной чертой французской разведки была жестокость и очень низкий порог реагирования. Французы не боялись никого и ничего, они могли проникнуть в любую страну мира для того, чтобы уничтожить врагов – часто при очень призрачных шансах уйти живыми. Ответом на террористический акт было физическое уничтожение всех причастных к нему, а часто и членов семьи террориста. Даже русские не решались на Ближнем Востоке на такое, на что без колебаний шли французы. Нарцательным стало название «Вилла Сусини» – парашютисты Легиона там пытали и убивали людей, причастных или подозреваемых в причастности к террористическому подполью, к Касбе. Это все знали, и никто даже не подумал прекратить это и привлечь кого-то к ответственности. Русские этим тоже занимались в беспокойные времена на Ближнем Востоке, но они тщательно скрывали это, а если кто-то попадался, его показательно отдавали под суд. Ходили разговоры, что попавшимся бойцам «эскадронов смерти» после суда просто давали новые документы и отправляли служить в глухие места, в Сибирь. Но как бы то ни было, – русские не считали нормальным то, чем французы даже гордились. При ликвидации французы обычно использовали снайперов, и это несмотря на то, что особо сильной снайперской школы у них не было. Что же касается Сюрте, то это была одна из лучших полицейских служб мира, отличавшаяся обширностью картотеки и еще более обширными правами. Вообще, военная диктатура оставила на новой Франции неизгладимый отпечаток, прежде всего в крайне широких правах полицейских и спецслужб по отношению к гражданам.

Ни в одной цивилизованной стране такого не было, эти права были равны тем, какие имеет британская полиция в Индии по отношению к индусам, людям второго сорта.

Затем, вероятно, шла разведка Североамериканских соединенных штатов.

Это было нечто. Первоначально у североамериканцев вообще не было независимой разведки, но особое значение играло детективное сыскное агентство Ната Пинкертона, крупнейшее в мире, и Американский красный крест – прикрытие для разведывательно-дипломатических операций Госдепартамента САСШ. Американцы, люди очень свободные, испытывали отвращение к разведдеятельности, а ведение картотеки даже на преступников вызывало у их законотворцев серьезные сомнения в конституционности этого: имеет ли государство право держать человека за потенциального преступника, если он уже отбыл наказание. В двадцать первом году было создано Федеральное бюро расследований, его возглавил легендарный Джон Эдгар Гувер, но на самом деле воцарение короля американской разведки и контрразведки произошло еще раньше, когда он возглавил Отдел генерального инспектора Министра юстиции САСШ. Заступив на свое место, он обнаружил полный бардак в правоохранительной системе САСШ. Разведывательные данные в основном поставляли англичане – какие хотели, такие и поставляли. Никакой картотеки и учета не было. Единой федеральной правоохранительной службы тоже не было: все было отдано на откуп местным властям и штатам. В каждом штате был свой Уголовный кодекс. На местах распоряжались выбранные путем голосования местного населения шерифы, банды ловили с помощью массовых облав, в которых принимало участие местное вооруженное население – и хорошо, если такая облава не заканчивалась несчастным случаем с оружием. Крупные корпорации нанимали против забастовщиков и коммунистов детективов из агентства Пинкертона и других сыскных агентств поменьше – а они творили что хотели. Регулярной работы против коммунистов не велось, все ограничивалось стычками забастовщиков с нанятыми компаниями частными детективами и явно заказными убийствами лидеров профсоюзных и коммунистических движений. На южной границе воровали скот, с территории вечно неспокойной Мексики происходили вооруженные набеги, отражать которые выходили чуть ли не всем Техасом. Вот в таком состоянии принял дела Джон Эдгар Гувер, тайный педераст⁴ и человеконенавистник.

А симптомы были тревожные. Состоялось «сражение у горы Кармел», когда вооруженные профсоюзники захватили целый угледобывающий район и длительное время вели бои с детективами Пинкертона. Конечно, не обошлось и без коммунистов. После убийства Мартова и Ульянова, многих других деятелей коммунистов в САСШ переехал, спасаясь от белого террора, Лейба Давидович Бронштейн (Троцкий)⁵. Это был очень непростой человек: супруга – дочь одного из известнейших банкиров Уолл-стрит, североамериканский паспорт ему вручил лично президент САСШ. У него были деньги, и немалые, а также целые отряды еврейских боевиков из бедных кварталов Нью-Йорка. Гуверу с большим трудом удалось выслать Троцкого и всю его братию из страны в Мексику, после чего он стал личным врагом Троцкого и мишенью для многочисленных покушений.

ФБР как крупная и серьезная правоохранительная организация оформилась в тридцатые годы, во времена «закона Уолстеда», приведшего к образованию в САСШ общенациональной организованной преступности. Одновременно с этим шла беспощадная борьба с коммунизмом. Ставший результатом спекулятивных действий нескольких групп банкиров финансовый кризис перерос в рецессию и массовый голод, по улицам шли работники обанкротившихся заводов с красными транспарантами и коммунистическими лозунгами. Их встречали автоматы и пулеметы полицейских и ФБР. Выкарабкивались из кризиса всем миром... сильно

⁴ Об этом споры идут до сих пор. Но многое указывает на то, что Гувер был педерастом и сожительствовал в «браке» со своим помощником Клайдом Толсоном.

⁵ Он жил в САСШ довольно долгое время, потом переехал в Европу в пятнадцатом и оставался там до двадцатого года. Явно не просто так.

помогли посткризисному становлению громадные промышленные заказы русского правительства, самого богатого на тот момент в мире. Оно расплачивалось золотом и поставками ресурсов через Дальний Восток: североамериканские инженеры ехали на работу в Россию тысячами, многие оставались. До этого все промышленные заказы России почти всегда получала Германия, но новому императору, молодому Александру Четвертому, ставшему позже Великим, удалось убедить германского кайзера в том, что, если к власти в САСШ придут коммунисты, в том не будет ничего хорошего. Некоторые станки, поставленные тогда североамериканцами, работали до сих пор.

В разведке современные Североамериканские соединенные штаты отличались крайне низким результатом при громадных затратах. Если контрразведка еще со времен Гувера работала если и не отлично, то хорошо, то в разведке был полный крах. В конце семидесятых германские офицеры притащили в отделение «Оберкоммандо дер марине»⁶ североамериканца, который в брестском баре слишком много болтал и выпрашивал о марках бетона, который шел на укрытия для подлодок Кригсмарине. У него обнаружили поддельные документы и записи примитивным шифром, который расшифровали буквально на коленке. По документам этот североамериканец был отставшим от судна моряком, проблема же была в том, что он был... негром! Не чистым, конечно, скорее мулатом – но негром. Это каким же непроходимым идиотом надо быть, чтобы послать негра вести разведку базы Кригсмарине! Германские контрразведчики просто не знали, что делать. Закончилось все тем, что незадачливого разведчика просто вышибли из страны, посоветовав напоследок заняться своей работой в другом месте, например, в Африке. Или поменять профессию, пока не расстреляли.

Тем не менее и у североамериканцев были свои плюсы. Американцы совместно с англичанами держали систему глобального мониторинга и перехвата «Эшелон», причем лидерами в этом проекте были североамериканцы, базовые станции анализа находились у них, потому что они были очень сильны в компьютерной и иной сложной технике. Североамериканские соединенные штаты – это страна эмигрантов, и поэтому североамериканской разведке проще, чем любой другой, удавалось найти человека, знающего любой регион мира и готового работать в нем. В Северной Америке было очень сильно еврейское лобби, и именно через него шла часть разведработы. Опасались только России – в России за шпионаж полагалась смертная казнь, и желающих шпионить было очень немногo. Североамериканцы имели сильные и хорошо подготовленные части специального назначения, оснащенные и готовые действовать в любой точке мира, но по тактике применения и разведывательно-агентурному обеспечению их операций они отставали на голову от той же России или Великобритании. Сказывалось то, что война в Латинской Америке была страшной, но в то же время примитивной, намного примитивнее, чем сети заговорщиков и террористов в Британской Индии и на Восточных территориях, которые нельзя было разрушить исключительно грубой силой. Североамериканцы просто засекали что-то и ночью прилетали на вертолетах, в то время как русские никогда не посылали свой спецназ без долгой слежки и агентурной разработки объекта. В последнее время, однако, русские стали работать грубее и жестче, это было связано с восстанием в Персии и очередным витком дестабилизации на Востоке, а вот североамериканцев патовая ситуация в Мексике и Бразилии, наоборот, научила работать тоньше и изощреннее, просчитать последствия. Несмотря на явную примитивность почерка североамериканской разведки, сил, чтобы контролировать Новый свет, у них вполне хватало.

Итальянцы отличались довольно грязными методами, коррумпированностью и связями с преступностью самых разных мастей, в этом они перецеголяли даже традиционно небрежных англичан. Кавардак с властью приводил к кавардаку с разведкой. Руководство сменялось раз за разом, и это в разведке было плохим тоном – в нормальных странах руководство раз-

⁶ Немецкая разведка ВМФ.

ведки не меняется в зависимости от того, кто находится у власти. Многие в полиции и разведке были связаны с мафией. Если в Триполитании просто творились темные дела с распределением средств от добычи нефти, то в Итальянском Сомали все было намного хуже. Порт Могадишо еще в шестидесятые превратился в главную криминальную столицу восточного побережья Африки, а после того, как в моду вошло массовое употребление наркотиков, все стало еще хуже. Весь героин в Африку завозился через Могадишо, и гражданская война мало что изменила, скорее ухудшила – ведь многие из комбатантов были наркоманами. В самой Италии, особенно на промышленном севере, были сильны коммунисты, в шестидесятых-восемидесятых годах двадцатого века страна балансировала на грани переворота. В парламент раз за разом избирали коммунистов, но сделать они ничего не могли, потому что, с одной стороны, стоял король, а с другой – мафия и крайне правые, готовые к государственному перевороту и резне. Мафии поручали убивать коммунистов, что те делали с большой охотой, но в таком случае разведке и полиции приходилось закрывать глаза на то, что творит мафия. В том числе на убийство судей, прокуроров, других борцов с мафией. Потому что в ответ на аресты многие мафиози могли достать свои заветные папочки – и тогда волна народного гнева, скорее всего, закончилась бы революцией.

На последнем месте шла разведка Австро-Венгрии. Эти тоже не брезговали грязью, но грязью в совершенно другом плане. Вена изобиловала разными мерзостями: жиголо, содомским грехом, проституцией, в том числе и в высшем свете. Именно на этом специализировалась дружественная Великобритании австро-венгерская разведка. Раскопать какую-то мерзость, подложить в нужную постель мужчину, женщину, мальчика или девочку, снабдить наркотиками – на все это австро-венгры были готовы и с большой охотой. Основной их специализацией были биографические рычаги⁷ и шантаж.

Второй особенностью австро-венгерской разведки было сотрудничество с откровенными террористами и садистами. Самой сильной частью Триалистической монархии была Великая Хорватия, а там не счесть было потомков славной памяти адвоката Павелича, который не брезговал ничем, в том числе геноцидом. В Хорватии, в местечке Загорье, находился крупнейший в Европе центр нелегального производства оружия, технологии там были таковы, что местным мастерам удалось поставить некоторые образцы на промышленный поток. Большой популярностью пользовались «МР-38» и «Стэны» – кустарные пистолеты-пулеметы без номеров то и дело находили в руках коммунистических террористов, застреленных полицией грабителей банков, итальянских мафиози и похитителей людей. В этих местах была лучшая в Европе пистолетная школа: еще в начале двадцатого века все мужчины в этих местах не выходили из дома без двух револьверов за поясом, а искусством стрельбы из них могли поразить даже выдавшего виды североамериканского ганфайтера. Здесь же был крупный центр криминальной активности: МВД Хорватии мирился с существованием на территории страны многочисленных преступных кланов, но только до того момента, пока они не совершали преступление на территории Австро-Венгрии. Местный криминал об этом знал и с удовольствием гастролировал по всей Европе, совершая в основном тяжкие и особо тяжкие преступления. Были деревни, где профессией большинства мужчин была профессия наемного убийцы-гастролера. В Далмации – в рыбацких портах – почти в открытую разгружали наркотики и контрабанду. Большинство мужчин здесь были законченными отморозками, и жизнь их часто заканчивалась у какой-нибудь дороги с дымящимися пистолетами в обеих руках. Всех этих отморозков использовала австро-венгерская разведка, но часто по поручению британцев, которым не хотелось пачкаться, но дело сделать было нужно...

⁷ Компромат.

Все эти мысли промелькнули в голове начальника четвертого управления РСХА, генерал-лейтенанта сил полиции Манфреда Ирлмайера, когда его служебный «Хорьх» свернул с Альтманнштрабе⁸ на Тиргартенштрабе и почти столкнулся с лихо заворачивающим за угол «Шевроле Каприс Брогем» с берлинскими номерами. Угловатый, по размерам не уступающий «Хорьху» седан с затемненными стеклами лихо прокатился мимо, дав длинный приветственный гудок.

– Идиот! – злобно выругался Курт, бывший стрелок отряда пфадфайндеров, тяжело раненный в Африке и сейчас являющийся водителем и телохранителем начальника четвертого управления РСХА. Курт уже попритерся в Берлине и поэтому решил извиниться: «Прошу прощения, герр генерал-лейтенант...»

– Ничего, Курт, – задумчиво сказал Ирлмайер, – они и в самом деле идиоты.

Он знал их машины каждую, даже помнил их номера – просто так, на всякий случай. Начальник станции ЦРУ по имени Джэкс Андерсон ездил на «Меркурии Гранд Маркиз», черного цвета и бронированном, еще в распоряжении резидентуры было несколько таких вот танк-седанов «Шевроле», подешевле, но не меньше размером. Помимо того, что в таких вот танк-седанах было очень неудобно протискиваться в берлинских пробках и парковаться на берлинских улицах, – эти машины делали всякую такую деятельность североамериканцев бессмысленной. Нет, они, конечно, брали машины в прокате... при этом каждый владелец проката, сдав машину североамериканцам, шел к телефону и набирал номер гестапо. Но даже сейчас... если бы не эта машина и не идиот за ее рулем, он вряд ли узнал бы, что генерал-полковник сил полиции и генеральный директор РСХА доктор Элих принимает североамериканцев, причем не у себя в кабинете, а там, где он принимает самых доверенных людей. Интересно узнать, зачем...

За то время, пока генерал-лейтенант сил полиции доктор Ирлмайер находился в Берлине на должности начальника четвертого управления гестапо, он тоже... попритерся. Немаркий костюм из смесовой ткани, который просто отстирать и привести в порядок после прогулки по вездесущей африканской красной пыли, сменился на темно-серый однотонный костюм из ателье Любича, одного из лучших портных Берлина. Короткая «армейская» прическа сменилась на элегантную стрижку от КАМЕЕ, правда, в его волосах теперь было много больше седины, чем раньше. Больше он не носил с собой пистолет – положенный ему по должности, почти всегда лежал в сейфе в его кабинете. Он купил себе небольшой домик в предместье Шпандау, полностью разобрался со своим не совсем удачным браком... точнее, совсем неудачным. Он посещал модные берлинские салоны и даже завел себе женщину. Ее звали Катарина, ей было двадцать девять лет, она была привлекательной, имела фамилию с приставкой «фон» и не смогла найти себе подходящую пару – из-за очень дурной репутации ее отца. Но доктору Ирлмайеру на репутацию было наплевать, ведь и у него репутация была не блестящей.

Охраны у него теперь было немного, только Курт, совмещавший должности и водителя, и телохранителя. Работы же стало намного больше – домой он часто возвращался за полночь. Катарине это не нравилось, но она терпела, а он вознаграждал ее тряпками, украшениями, нечастым мужским вниманием и воскресными выездами на озеро Бодензее, где они были вроде как семейной парой. Такой эрзац семьи – как для него, так и для нее...

Курт припарковал машину у входа в парк. Он знал, что пройти по этой дорожке – и там будет озеро...

Курт открыл дверь, зорко осматриваясь по сторонам, и доктор Ирлмайер вышел из машины. Бояться тут было нечего... наверное. Со всех сторон были агенты его четвертой рефературы четвертого управления – гестапо. Личная охрана генерал-полковника Элиха состояла

⁸ В нашем мире – Штауффенбергштрабе, в этом мире названа в честь одного из генеральных рейхскомиссаров по делам африканских территорий.

из двенадцати агентов гестапо только в дежурной смене, им придавалось пять машин, не считая машины самого доктора Элиха. Доктор Элих был сыщиком старой закалки, в свое время боролся с анархистами, с коммунистами, с ложей П2, работал и в разведке – и с тех пор сильно опасался покушений. По мнению начальника гестапо, Элиху уже пора было на покой. Но это было только его личное мнение, которое он держал при себе...

Генерал-полковник сил полиции доктор Элих сидел на берегу обрыбленного озера в Тиргартен-парк и держал в руках старую, еще деревянную удочку. В качестве сиденья он использовал ящик рыболова, который продавали здесь русские – удобная вещь, особенно для самих же русских, они со льда зимой рыбачат. Поверх не слишком аккуратного костюма Элиха был наброшен тяжелый, длинный и теплый рыбацкий плащ, и сам он, в этом плаще и на русском ящике для рыбы, казался старым и облезлым вороном, присевшим на ветку отдохнуть.

Подходя к своему начальнику, Ирлмайер напомнил себе – нельзя его недооценивать. Этот старый ворон сожрет тебя с потрохами и не поперхнется. Элих был против отставки Кригмайера и назначения Ирлмайера – и генерал-полковник был не из тех, кто что-то прощает или забывает.

– Герр генеральный директор... – негромко сказал Ирлмайер.

– Добрый день, герр Ирлмайер, – негромко сказал генерал-полковник Элих, – боюсь, какое-то время вам придется постоять – у меня нет стула для гостей здесь, хе-хе...

Смех Элиха тоже напоминал карканье старого ворона.

– После Африки мои ноги привычны и не к такому, герр генеральный директор.

– Африка... – неопределенным тоном произнес Элих. – Как там у нас дела?

– Африкой занимаются мои лучшие сотрудники, герр генеральный директор. Мы контролируем как легальные, так и нелегальные каналы.

– Это хорошо...

Элих положил удочку на землю. Встал, потянулся, чтобы размять старые кости.

– Фон Дальвиц доложил, что у него тоже почти все готово. Остались мелочи... мелочи, которые, однако, могут погубить все. Мы должны сделать все наилучшим образом...

Доктор политологии Феликс фон Дальвиц ныне был начальником шестого управления РСХА – внешней разведки. С Ирлмайером у него были плохие отношения, и глупо было ожидать иного. Разведка и контрразведка живут как кошка с собакой.

– Андерсон только что приходил...

Ирлмайер промолчал.

– Он ищет повод сменить флаг.

Ирлмайер удивился – он бы поверил, если бы кто-то из рядовых сотрудников, но резидент...

– Вот как?

– Что вы думаете об этом? – вопросом на вопрос ответил генеральный директор РСХА.

– Что это какая-то провокация. От Андерсона сложно ожидать такого...

Генеральный директор смотрел куда-то в небо.

– Предают всегда свои, вам следовало бы это помнить, герр Ирлмайер. Я передам его вам на отработку, но не сейчас. У нас период флирта.

Ирлмайер понимающе кивнул. По неписанным правилам, если разведчик противника, тем более такого высокого ранга, изъявляет желание сменить сторону, его отрабатывает тот офицер, к которому он обратился. Что движет перебежчиком – о том вам не скажет даже доктор Зигмунд Фрейд. И если потенциальный перебежчик обратился к кому-то конкретно, его отрабатывает именно этот офицер. За исключением случаев, когда такому контактеру явно недостает квалификации. Это одновременно и своеобразная форма уважения к перебежчику,

и мера к тому, чтобы потенциальный перебежчик не испугался и не разорвал контакт. Мало ли почему он доверяет человеку, если доверяет, то пусть так и будет.

– Герр генерал-полковник, – сказал Ирлмайер, словно ныряя в прорубь, – я прошу у вас санкции лично отправиться в Италию!

Генеральный директор РСХА пожал плечами:

– Что произошло?

– Отмечена активность русской разведки, выходящая за рамки обычного. В Италию прибыл опытный человек, мастер по таким делам.

– Кто?

– Адмирал русской службы граф Воронцов.

Генеральный директор РСХА покачал головой:

– Для чего ехать вам лично? Отправьте кого-то другого... того же Зайдлера. Он отлично справится. Ваша задача, Ирлмайер, как начальника четвертого управления – координировать работу других, а не делать все самому. Это работа начальника, Ирлмайер.

– Герр генерал-полковник, – не отступал Ирлмайер, – нужно лично контролировать процесс. Сейчас дела в Италии обстоят просто прекрасно, но мы должны завершать игру. Я считал, что у нас есть хотя бы еще год, но его нет. Совсем нет времени. Русские что-то знают. У нас уже был один прокол, ликвидировать который нам стоило крайнего напряжения сил и средств.

– Возможно, просто подозревают. Или даже проверяют нас на всхожесть – кто кого?

– Герр генерал-полковник, учитывая исключительную важность нашего плана для будущего рейха, – я должен лично проверить все части плана и определить, насколько мы готовы. Прямо сейчас.

– Что-то произошло?

Вместо ответа генерал-лейтенант Ирлмайер достал из кармана небольшую фотокарточку, протянул ее Элиху. Тому пришлось чуть нагнуться, чтобы взять.

– Вам известен этот человек?

Элих взгляделся в снимок.

– Известен. Вице-адмирал князь Воронцов. Установленный русский разведчик. Сейчас предположительно не у дел.

Осторожный Элих сказал «предположительно». Русские не были главными противниками, поэтому он мог и не знать, где находится каждый из их агентов, даже высокого ранга. Интересно, откуда взялось это фото у Ирлмайера?

На фото человек, опознанный как князь Воронцов, сидел в машину марки «Майбах» у какого-то здания. Ирлмайер попытался догадаться, что это за здание, возможно, он его когда-то видел, но нет, ничего в голову не приходило.

– Этот человек сфотографирован в Риме.

Он находился в этом городе, зашел в посольство, после чего след оборвался. Предположительно он все еще в Риме.

Элих пожал плечами.

– Это как-то нас интересует?

– Интересует, и еще как. Если русская разведка вмешается, она может сорвать всю игру. А вы знаете, кто в ней заинтересован.

Последние слова были наглостью – фактически подчиненный угрожал своему начальнику гневом кайзера.

Элих недолго, *презрительно*, как могут только аристократы, помолчал.

– Вам известна моя фамилия по материнскому роду?

Все понятно. Аристократы проклятые. Фамилия была фон Кюрланд. Баронесса Анастасия фон Кюрланд, уроженка Лифляндии, первая красавица Берлина начала семидесятых. В аристократическом салоне можно узнать все, что угодно.

– Известна, герр генерал-полковник. Но есть еще одна причина, по которой я настоятельно прошу санкционировать мой вылет в Рим. Мы давно дружим с Россией, но в этой дружбе помимо несомненных преимуществ есть и риски. Безусловно, отдел фон Дальвица гораздо лучше подготовлен для работы за рубежом. Но одному дьяволу известно, сколько в нем есть русских агентов. Если же делами в Риме займется гестапо, точнее, я лично займусь, риск утечки информации будет сведен к минимуму вместе с числом посвященных.

Элих хмыкнул:

– А что... контрразведкой и борьбой с терроризмом занимаетесь не вы?

Вопрос повис в воздухе.

– Можете идти. Предпримите все необходимые действия, если считаете нужным выехать – выезжайте. На ваше усмотрение, Ирлмайер. Но ответственность за работу я с вас не снимаю.

Это внешне невинное и почти невозможное в нормальном германском учреждении распоряжение помимо своего прямого смысла содержало и косвенный, понятный только посвященным. Оно означало, что, если герр Ирлмайер предпримет какие-то действия, произойдет скандал с Россией и кого-то придется принести в жертву, Элих не будет его ни поддерживать, ни защищать. Или если повторится все то дерьмо, что произошло несколько лет назад, он первый предложит соответствующие кадровые решения.

Удивительного в этом было мало. Элих не забыл до сих пор, как Ирлмайер сделал карьерный скачок и переместился из Африки в Берлин. Не забудет, как кайзер лично простил его оглушительный провал несколько лет назад и разрешил самому ликвидировать последствия провала. И никогда не забудет, пока работает, – на этом уровне ничего не прощают и не забывают.

– Я вас понял, герр генерал-полковник, – сказал Ирлмайер, – предприму нужные действия. В конце концов, – пока ничего страшного не произошло.

– Предпримите, – согласился генерал-полковник Элих.

– Разрешите идти.

– Идите, Ирлмайер, идите...

Генерал-полковник снова обратил все свое внимание на подернутый ряской пруд и на свою старую удочку...

Увидев своего начальника, аж темного лицом от злости, Курт понял, что дело дрянь. Он знал своего начальника как свои пять пальцев и мысленно помолился, чтобы день обошелся без взысканий.

Несмотря на то что Ирлмайеру полагался кабинет в главном здании РСХА на Принцаль-бредхтштрассе, чаще всего он работал не там, а в незаметном здании на Курфюрстенштрассе, где находился аппарат третьего отдела четвертого управления РСХА. До этого здания было всего несколько сотен метров от того места, где они стояли. Водитель ждал сигнала отправляться, здесь нельзя было стоять, и германский полицейский оштрафовал бы даже самого кайзера... наверное. Но Ирлмайер постучал по перегородке, отделяющей салон «Хорьха» от водительского места, и коротко сказал:

– Прогуляйтесь. Десять минут.

Сукин сын Элих. Он до сих пор не успокоился – или как?

Надо подобрать побольше хороших силовиков. Чтобы при необходимости разрубить гордиев узел сразу, не допуская, чтобы все зашло слишком далеко. Также не мешает и кое-что предпринять в Африке, чтобы ублюдки, которые думают, что схватили бога за бороду, так не думали.

Да... надо плюнуть кое-кому в суп. Однозначно надо.

Август 2013 года

Фиери, Албания

Фиери, небольшой (всего восемьдесят тысяч человек) городок, расположенный в пятнадцати километрах от Адриатического побережья, юридически считался всего лишь центром одноименной провинции и для несведущих в криминальных делах Европы был не более чем еще одним непримечательным городишкой, посещение которого можно ограничить парой дней на выходных. Просто так, для общего развития – в Европе вообще популярен туризм «на один день», благо авиабилеты дешевы. Но для людей сведущих – например, для разведчиков и инспекторов Интерпола – этот город был не менее известен, чем Палермо или Загорье⁹.

Еще в начале прошлого века местные суровые крестьяне, спустившиеся с гор, научились дополнять свой скудный заработок доходами от похищений людей и работорговли. Места эти были ареной притязаний сразу трех великих держав – Италии, Австро-Венгрии и России посредством Греции. А потому местные власти вынуждены были заигрывать с местными суровыми крестьянами и их лидерами, быстро сообразившими, как надо извлекать выгоду из столь выгодного географического и геополитического положения. Чуть попозже, когда австро-венгерские власти принялись закручивать гайки относительно мятежных и беспокойных сербов, у фиерийцев нашлось еще два занятия. Первое – контрабанда сербских свиных консервов (после того как изобрели способ консервации мяса, это стало выгодным занятием) и завоз в Сербию всего необходимого сербам в обход австро-венгерской блокады. Второе – содействие в переправке сербов, желающих покинуть свою землю и сесть на корабль, идущий в Италию и куда подальше. Плата была стандартная – все что есть, беженцев обирали до нитки, сербок иногда насиловали всем кагалом. Сами понимаете, что теплых чувств у сербов по отношению к албанцам это никак не прибавляло. Все это прекратилось в тридцать седьмом – состоялся исход сербского населения, который обеспечивали моряки русского императорского флота и только что созданные части морской пехоты. С тех пор у фиерийцев остались совсем не добрые воспоминания о русских, и тот из русских, кто рискнет приехать в этот городок, рискует в нем и остаться. Навсегда. Определенно русским в этих местах делать было нечего, да они сюда и не стремились, благо рядом было княжество Монтенегро, где русскую речь можно было услышать чаще, чем местный диалект сербско-хорватского.

В тридцатые и сороковые годы, когда эта местность была под прямым итальянским правлением, Муссолини не осмелился действовать в Албании так, как действовал на Сицилии, справедливо опасаясь общенародного мятежа и кровавого бунта. В итоге местная мафия, накопив капитал в тридцатые на сербах, благополучно пережила это беспокойное для всех мафиозных организаций Италии время. А в конце пятидесятых не в последнюю очередь под влиянием фиерийских дельцов король Ахмед Зогу послал подальше Италию и разорвал вассальный договор. Король, кстати, был тем еще типом, достойным правителем достойной страны – на его жизнь было совершено пятьдесят пять покушений, а в тридцать первом, когда убийцы открыли по нему огонь на ступенях театра, он выхватил пистолет и открыл ответный огонь, отчего убийцы и разбежались. После него королем Албании стал его сын Лека, Лека Первый, про которого судачили, что он в тринадцать лет стал мужчиной, изнасиловав служанку.

В пятидесятые годы период неопределенности закончился: фиерийские дельцы занялись новым, сулившим невиданные барыши делом – контрабандой наркотиков. Король Лека, очевидно, ничуть этому не препятствовал – он правил аж до две тысячи одиннадцатого года, причем на его жизнь было совершено всего три покушения, и то все три заказала сицилийская мафия. Местоположение Фиери для снабжения Европы наркотиками было хуже, чем у Палермо – из Палермо был прямой путь как в континентальную Италию и дальше – сразу в

⁹ Город в Великом Банстве Хорватском, где процветало нелегальное изготовление оружия, им занимался практически весь город. Из него по всему миру ежегодно отправлялись десятки тысяч стволов. Удивительно, но там не было ни одной легальной фабрики по производству оружия.

Швейцарию и Германию, так и паромом в Марсель, давнюю криминальную столицу южной Европы. Но это компенсировалось очевидным бездействием полиции и даже очевидной помощью со стороны спецслужб: в восемьдесят первом из Берлина в полном составе выслали посольство Албанского королевства, обвинив в том, что в дипломатической почте провозится героин. Король Лека Первый направил возмущенную дипломатическую ноту и даже от отчаяния съездил в Лондон, где нашел полное понимание и поддержку...

В семидесятые годы Фиери быстро пошел в гору: в шестьдесят пятом в Священной Римской Империи, а в семидесятом в Великобритании законом было запрещено врачам выписывать рецепты на кокаин и героин¹⁰. До указанного времени наркоман вполне мог потакать своей пагубной привычке за относительно небольшие деньги, покупая поддельные рецепты или подкупив врача. С этих лет начинается становление европейской наркомафии, и Фиери был во главе этого движения наряду с Палермо и Марселем.

В восьмидесятые годы, точнее в их начале, состоялись события, заставившие фиерийских деловых людей вспомнить корни, так сказать. С чего все начиналось. Во-первых, благодаря исследованиям, проводимым в клинике Шарите в Берлине, стали обычной хирургической практикой операции по пересадке органов. Во-вторых, большой польский рокош восьмидесятого – восемьдесят второго годов имел неожиданное побочное последствие. Для подавления польских борцов за свободу в Варшаве и других городах стали работать истребительные отряды, состоящие из бывших и действующих бойцов армейского и флотского спецназа – до этого в мирное время они использовались только на Восточных территориях. Деятельность таких отрядов регулировалась законами о чрезвычайном положении, согласно которому любое лицо, оказавшее активное сопротивление или в отношении которого имеются веские подозрения в причастности к терроризму, может быть расстреляно на месте либо по приговору военного трибунала с проведением следствия в двадцать четыре часа. К отрядам ликвидации были прикомандированы опытные исправники из Киева, имевшие давний зуб на организацию «Цви-Мидгаль», международный еврейский каганат, промышленный похищением женщин и продажей их в бордели по всему миру. Окраинские земли особенно от этого страдали – из-за обилия красивых женщин и международного города – порта Одесса. Спецназовцам сильно не понравилось то, что рассказали исправники, в результате чего на основе оперативных данных было истреблено несколько тысяч евреев-похитителей, а организация «Цви-Мидгаль» прекратила свое существование. Одновременно с этим в Санкт-Петербурге произошла крайняя в истории массовая казнь – повелением императора без суда было повешено девяносто семь человек, в том числе сорок один врач. Эта казнь завершила «дело врачей», подозреваемых в том, что они проводили операции по пересадке органов, причем донорами выступали похищенные, в том числе дети. В третьих, примерно в это же время в Одессе произошел крупный еврейский погром, явно кем-то направляемый, в ходе которого разбили до пятидесяти притонов зухеров¹¹.

Все это породило на рынке подпольных пересадок органов некий вакуум, который частично заполнили дельцы из Фиери. Благо с медициной в городе дела обстояли отлично (надо же лечить огнестрельные ранения!), а в качестве доноров могут выступать сербы. Сербам это опять не понравилось, и в городе с того времени произошло уже несколько сражений с автоматными и гранатометными перестрелками на улицах – шалили сербские комитачи. Подпольные операции по «разборке» людей на органы, пересадке органов, переправке похищенных белых женщин в африканские бордели стали еще одним источником дохода для Фиери. А нападения сербов сплотили город: как только начиналась перестрелка, оружие хватали все, в том числе полицейские, и убивали чужаков. Фиерийцы были очень привязаны к своему родному порогу

¹⁰ Хотите верить, хотите нет, но до конца шестидесятых героин продавался в британских аптеках по рецепту!

¹¹ Если верить словарю уголовного сленга, это вербовщики проституток, но на самом деле это похитители женщин, вывозящие их в другие страны и продающие в бордели.

и отличались сильнейшим местечковым патриотизмом. Кроме того, здесь была крупнейшая мечеть Королевства Албания...

Но кое-кто из деятелей Фиери хотел пойти еще дальше...

Для того чтобы понимать, как стало возможным то, что произошло в Фиери в эти дни, надо сказать, что Фиери был глубоко бандитским городом, в котором всяк и каждый от младенца и до старика жил «по понятиям» и ставил понятия многим выше закона. Здесь могли не знать, кто король, но каждый младенец мог знать, кто контролирует тот или иной район, у кого следует просить разрешения заняться тем или иным видом промысла и кто в каком случае падает в доляшку (а группировки наркоторговцев и группировки работоторговцев были разными). Все понимали и принимали установленную бандитами иерархию как единственно правильную, а авторитет человека в городе определялся его положением в бандитской среде. Вдобавок среди албанцев имела широкое распространение кровная месть. Все это привело к тому, что бандиты почти никогда не держали с собой большого числа охраны, перемещаясь по городу, и даже не запирали двери своих дорогих машин, бросая их на улице. Такая была уверенность в том, что здесь, в Фиери, бандитской крепости, им ничего не угрожает, а любой чужак, проникший в город, будет немедленно обнаружен и обезврежен.

Хасим Ташид был одним из преступников нового поколения, тех самых, при упоминании о которых помнящие еще раздетых сербов бородатые старики в барах презрительно сплевывают через губу. Если образование обычного бандита зачастую исчерпывалось умением художнически писать, читать и высчитывать процент на калькуляторе, то Ташид закончил не только полную католическую школу, но и университет в Вене – по образованию он был инженером-химиком, причем военным инженером-химиком. Если среди местных главарей считалось «западло» служить в армии, то Ташид отслужил вольноопределяющимся в армии Итальянского королевства, приобретая полезные навыки и знакомства. Наконец, если обычные бандиты тупо занимались чем-то одним, тем же, чем занимался дед, отец и вся семья, то Ташид был по стилю мышления скорее бизнесменом, а не бандитом.

Итак, в этот день Ташид проснулся на яхте, которая была пришвартована в марине у берега, он только что вернулся из Сомали, где провел сложные переговоры относительно будущего деловых операций с этой страной. Он провел их не от своего лица – а от лица всех деловых людей Фиери, тем самым подтвердив свой авторитет в городе – он был вдвое моложе самых старых главарей преступных группировок города. Конечно, сомалийцы попробовали поднять процент, ссылаясь на сложности и говоря о том, что сами албанцы могут это компенсировать, подняв отпускные цены на продукт. Ташид провел переговоры правильно, красиво, подтвердив свою репутацию блестящего переговорщика. Цены остались на прежнем уровне – не то что их нельзя было поднять, просто нельзя было показать слабость. Если сомалийцы поймут, то они смогут «прогнать» белых на цену – что будет дальше? Дальше можно и сети распространения потерять, благо беженцев из Сомали в цивилизованных странах все больше и больше...

В благодарность Ташид отвез в Сомали и вручил местным вождям племен и полевым командирам бандформирований, захвативших власть после гибели Айдида, несколько детей. Белых детей, в основном детей сербов. Девочек... но кое-кто предпочитал мальчиков, и Ташид в этом смысле был предусмотрителен. Мальчиков так мальчиков, ему-то что...

Сейчас Хасим Ташид стоял на третьей мастер-палубе своей яхты, доступ на которую для обслуживающего персонала был запрещен, ибо хозяин с дамами могут загорать голышом. Дам сейчас не было, хозяин был один, из одежды на нем наличествовали пляжные шлепки, шорты и около полутора килограммов золота в ювелирных изделиях – в этом смысле албанцы были похожи на цыган. Хасим Ташидпил виски с содовой и наблюдал, как рабы выгружают с помощью крана на причал его новую красавицу. «Феррари Ф50», коллекционный экземпляр, их

произвели-то всего три сотни. Карросерия¹² «Феррари» не продавала машины ограниченных серий кому попало, в основном покупали или аристократы, или давние клиенты, или коллекционеры, или перекупщики. У Ташида шансов приобрести с фабрики не было никаких – именно поэтому машина для него была так важна. В Монако, в Баден-Бадене, в Бельфранше – он будет для всех владельцем «Красной фурии», Ф50, а не сомнительным дельцом с юга. В прошлом году переговоры увенчались успехом – один коллекционер согласился-таки уступить красавицу за четыре с половиной заводские цены. И теперь она заняла место в гараже роскошной заказной яхты, чтобы всегда в любом городе быть к услугам хозяина.

Если бы рабы ее уронили, Ташид приказал бы их убить. Но нет – они поставили машину на причал ровно и аккуратно и принялись выгружать машину охраны.

Ташид вздохнул. Десять минут полета по лучшей дороге королевства от марины на берегу до Фиери – и вот он, родной город. К какой из трех жен стоит поехать?

Возможно, он все же сделал ошибку с Люселлой. И с Мартиной тоже. Надо было их убить, как они перестали вызывать у него вожделение, – как дядя сделал. Он не смог, и теперь они постоянно тянули из него деньги...

Когда на причал выгрузили вторую машину, спустился и хозяин, как всегда пижонски перепрыгнул на причал, минуя сходни. На нем была футболка с изображением женщины, рот которой закрыт рукой, в черной маске и с надписью «Нет работоторговле!». Такие футболки раздавали какие-то феминистки, и Ташид приобрел одну из них.

У работоторговца двадцать первого века, что ни говори, чувство юмора было.

– Все в порядке? – спросил он вышедшего поприветствовать его старого начальника рыболовного порта, переделанного в марину для яхт.

– Все тихо, уважаемый...

Ташид запрыгнул в свою машину.

– Догоняйте!

И пришпорил своего скакуна.

Охрана ездила не на внедорожнике, как это можно было полагать, а на микроавтобусе «Фиат», большом и с высокой крышей, переделанном под полный привод итальянской фирмой Bremach. На этот счет у Ташида были свои соображения. Во-первых, не так заметно, как внедорожник. Во-вторых, он любил и мотоциклы, и в такой вот машине часто стоял его любимый полугоночный «Дукати». В третьих, в фургон влезало куда больше добра, будь то подарки или рабы, если представится случай купить, продать или поменять их. В общем, полноприводный фургон был полезнее в качестве сопровождающей машины.

Дорогу в Фиери Ташид знал как свои пять пальцев, потому что проехал по ней не менее пяти сотен раз. Поэтому с ходу он втопил педаль газа – и за его спиной запульсировал, зарычал, повинаясь малейшим его желаниям, гениальный восьмицилиндровый двигатель родом из Маранелло. В основе своей он имел двигатель гоночной «Формулы 1» девяносто пятого года – и это была единственная в мире машина, чьи спортивные гены безоговорочно доминировали над соображениями удобства и продаваемости. Это был зверь, неукротимый, необузданный, подчиняющийся своей воле, как и живущие здесь мужчины. Воины гор.

Проблемы начались примерно на полпути. В очередной раз прижав газ после выхода из поворота, Хасим не ощутил привычной отдачи, двигатель заработал как-то по-другому, и машина пошла тяжелее. Он машинально выправил рулем то, что не удалось выправить тягой, и почувствовал, что машина теряет ход.

Да что же это такое...

¹² Кузовная мануфактура. В этом мире она так и называлась.

В какой-то момент неукротимое раздражение требовало выжать газ еще сильнее, подчинить скакуна из Маранелло своей воле, но потом благоразумие взяло верх, и Ташид оставил машину в покое, аккуратно сруливая на обочину. Вопрос не в стоимости ремонта – плевал он на деньги. А в том, что для фабрики в Маранелло он такой же клиент, как и все остальные, и запчастей придется ждать в очереди. А очереди это как раз то, что Ташид терпеть не мог. Само понимание того, что очередь уравнивает его с другими людьми, приводило его в бешенство. Он был достоин большего...

С трудом выбравшись из кокпита своего жеребца, Ташид в раздумье уставился на машину. Что же с ней такое? Он не был большим специалистом по машинам и знал, что местные специалисты способны за час разобрать на запчасти любую машину, но не починить новую машину – к своей красавице он их не подпустит. Может, придется самолет заказывать... на завод везти... а это нервы, нервы, нервы...

И где эти козлы... только за смертью их посылать. Хотя Ташид как раз за смертью их и посылал, когда был недоволен кем-то.

Нервно притопывая ботинком с подошвой из тонкой кожи по гравийной обочине, он смотрел на дорогу, откуда должен был появиться фургон. Про себя он подумал, что, если ему придется звонить, он накажет этих ослов... они что, к б... заехали? И когда он достал сотовый, на дороге появился знакомый угловатый силуэт фургона.

– Скотоложцы... – пробормотал про себя гангстер.

Машина съехала на дорогу и остановилась в нескольких метрах от потерявшей ход «Феррари», но из нее никто не вышел...

Ташид смотрел на машину... и душная злоба только усиливалась...

– Да что же это...

Но прежде, чем он сделал шаг к машине, боковая дверь откатилась в сторону, и на гравий выпрыгнул средних лет мужчина в форме матроса его яхты...

Но он его не знал.

– Э... – Ташид понял, что дело неладно. – Э, ты кто такой, козел?

И рванул из кармана пистолет. Но неизвестный успел первым...

Попасть на яхту было не так-то сложно – в отсутствие хозяина матросы пили спиртное, гульбанили и приводили на яхту б... Нетрудно было и спрятаться – яхта была восьмидесяти двух метров длиной, в ней имелаась двойная система коридоров, для хозяина и для команды, а нормального несения службы, как на военном корабле, не было и в помине. Паломнику удалось не только проникнуть на яхту самому, но и перенести с собой нужное снаряжение. Единственный неприятный момент был, когда владелец яхты задумал охотиться на морских птиц с автоматом Калашникова. Стрельба «калашникова» вызывала у Паломника очень неприятные ассоциации.

Нетрудно было попасть и в фургон – благо место там было, в фургоне лежала всякая дрянь. Если бы его обнаружили, у него наготове был автомат, и никто не ушел бы с пристани живым. Десяток наркогангстеров ничто против одного решительного, хорошо подготовленного человека. Тем более человека, который хладнокровно бросил на весы судьбы собственную жизнь, отказавшись от нее в случае проигрыша, как от отыгранной карты.

Эти двое так и не почувствовали, что за спиной кто-то есть. И получили подарок – по девять граммов свинца в спину. А хозяина яхты, контрабандиста и наркобарона, – он вырубил с помощью примитивной пращи, пользоваться которой он научился во время долгих тренировок по выживанию в экстремальных условиях...

Связав бандита и подхватив его на плечо, – Паломник подошел к фургону и свалил бесчувственное тело туда, где в крышу фургона были вварены скобы для перевозки рабов. Там ему было самое место...

Хасим Ташид пришел в себя в месте, о котором он ничего не знал. Ему просто не приходилось бывать в таких местах... здесь было так мерзко, что его едва не стошнило. Хотя, может быть, это от камня, попавшего ему прямо в лоб.

Пока никого не было – он бы почувствовал живого человека рядом.

Он пошевелился и обнаружил, что он не только связан, но и привязан к чему-то.

Твою мать!

Он сам воровал людей, но ему никогда не приходило в голову, что украсть могут его. Это было просто немыслимо, не укладывалось ни в какие рамки. Все знали правила. Воровать можно было только тех, за кого потом не будут мстить. Месть лишала смысла похищения, любой разумный человек понимал, что похищение стронет с места снежный ком, который очень быстро превратится в лавину...

Кровная месть в албанских горах называлась «гьякмаррьи» и приводила к тому, что становились безлюдными не только дома, а целые улицы. Люди, в отношении которых была объявлена кровная месть, вынуждены были сидеть дома, потому что по законам гор нельзя было убивать человека у него дома. Дома сидели годами, десятилетиями, женщины ходили на работу и добывали пропитание, в то время как мужчины безвылазно сидели дома. По законам кровной мести за мужчину мог расплатиться любой член его рода, потому месть распространялась как лесной пожар. Рано или поздно сидеть дома надоедало, и стороны давали друг другу «беса», то есть слово не убивать друг друга, после чего старейшины начинали трудные переговоры о мире. Но обычно перед беса с каждой стороны смерть забирала по пять-шесть человек, это было нормально. Так крепилась слава рода, так крепилось его единство.

Похищение было менее тяжким преступлением, чем убийство, но не похищение такого человека, как Хасим Ташид. Похищенный не мог в дальнейшем претендовать на лидерство, потому что получалось, что он не хищник, а жертва. Если такого человека, как Ташид, кто-то похищал, то восстановить свой авторитет он мог, только сделав что-то из ряда вон выходящее, даже по суровым меркам гор. Например, перебить весь род тех, кто его похитил, включая стариков, женщин и детей. Или запереть всю семью в доме и поджечь... нет, кстати, так не пойдет. В доме нельзя никого убивать, это бесчестие, но можно сжечь своего врага на рынке, например. Заранее облить бензином, выпихнуть из машины и бросить вслед спичку. В общем и целом похитителям, даже если им удастся что-то получить с рода Ташидов, «веселая жизнь» гарантирована.

Вот только если он сам стал жертвой гьякмаррьи...

Хасим Ташид лихорадочно вспоминал, кому он сам мог наступить на ногу. За убийство полицейского тоже полагалась кровная месть, полицейский – не полицейский, неважно, все равно это член рода, а роды бывают разные. Но... надо быть полным идиотом, чтобы рисковать жизнью ради того, чтобы разобраться именно с ним. Ведь он давно уже никого не убивал, он только отдавал приказы убивать. Если уж так приспичило, можно разобраться с исполнителем, все всё поймут и не осудят. Убийца есть убийца – мало ли кто приказал.

Невеселые размышления мафиозо прервало появление какого-то человека. Он его не видел, потому что лежал спиной к нему. Но этот человек был, судя по всему, доволен жизнью, он даже насвистывал...

Ташид забился и замычал и наконец обратил на себя внимание похитителя. Тот подошел и перевернул его, а потом албанский мафиозо с ужасом почувствовал, что кто-то разрезает ему брюки сзади...

Охваченный паникой мафиозо стал биться, как пойманная в сети рыба. Похититель задумал изнасиловать его! И снять это на камеру! Если об этом кто-то узнает, ему уже никогда не быть авторитетом, его люди покинут его, весь его род отвернется от него, ни один из деловых

людей Фиери не признает его равным себе! Он станет опущенным! Из авторитета он станет петухом! А это – конец всему!

«Конец, конец, конец...» – билась в голове мысль.

Похититель без церемоний прижал его ногой, после чего завершил задуманное. Мафиозо попытался разорвать наручники... если бы он мог оторвать кисть одной руки, чтобы освободить обе он без колебаний бы сделал это, потому что можно жить без кисти руки, но не без чести. В голове мелькнула мысль, что можно откусить себе язык и захлебнуться кровью... один проворовавшийся козел так и сделал, чтобы от него ничего не узнали. Но похититель почему то не стал насиловать его. Вместо этого он сделал что-то совсем странное. Он поднял его и посадил на стул... Мафиозо ощутил голым задом, что под ним не ровная поверхность сиденья, а пустота. Дернулся, но стул был прочно к чему-то приварен и не пошевелился.

Потом его похититель сделал нечто совсем странное – он взял обычную садовую лейку, судя по звукам, полную воды, и подошел ближе. Мелькнула мысль, что он собирается пытаться его водой... но он всего лишь полил куда-то под стулом.

Он, что, сумасшедший?

Оставив в покое лейку, похититель полоснул ножом по липкой ленте и вынул ему изо рта кляп. Мафиозо закашлялся...

– Привет... – сказал ему похититель на итальянском. – Как себя чувствуешь?

– Ты что... идиот?

– Нет, – с широкой улыбкой сказал ему похититель.

Поняв, что в ближайшем будущем похититель не собирается его насиловать, мафиозо немного успокоился. Похититель был старше его, даже намного старше... ему точно было за сорок, если не пятьдесят. Обветренное лицо, в которое загар въелся под кожу, недоверчивые щелочки глаз. Ташид был выше похитителя как минимум на пятнадцать сантиметров и много тяжелее, но он мог оценить силу похитителя, когда тот поднимал его.

И этот похититель мог быть родом только из одного места. С того континента, который даже белых людей делает дикарями...

– Я... договорился обо всем... – сказал мафиозо, сглатывая комок в горле, – я обо всем договорился. Позвони своим старшим... идиот ты чертов. Позвони своим старшим! Они скажут тебе отпустить меня!

– Можешь мне не верить, но у меня больше нет старших, – сообщил ему похититель.

– Ты... идиот. У всех есть старшие...

Вместо ответа похититель взял лейку и снова полил под сиденье. Он казался идиотом.

– Ты дважды назвал меня идиотом. Надо бы тебе отучиться сквернословить.

– Какого черта... ладно, извини.

– Вот видишь... – сказал похититель куда-то в пустоту, – как оказалось, и на таких закоренелых грешников, как он, можно воздействовать всего лишь добрым словом. Видишь?

– Что? С кем ты вообще разговариваешь?

– Все мы дети Единого отца...

Мафиозо стало страшно. Это же псих чертов! Он знал одного такого... когда он резал людей, он смеялся. Как можно наказать психа, ему же все равно.

– На кого... ты работаешь?

Похититель наконец обратил на него внимание.

– Я же сказал – ни на кого.

– Хорошо. Сколько ты хочешь? Скажи, и тебе привезут сколько надо. Я даже не буду тебя преследовать.

– Мне нужно несколько ответов на вопросы.

– Какого... черта.

Похититель нахмурился.

– Не сквернословь. Оскверняя уста свои, ты впускаешь в душу свою сатану.

И вправду с дуба рухнул...

– Хорошо, хорошо... Какие еще, к черту, вопросы?

Неужели полицейский? Да быть того не может!

– Вопрос номер один – расскажи, кто еще кроме тебя имеет отношение к похищению детей и переправке их в Африку для продажи в бордели?

– Что? Пошел в задницу, урод! Развяжи меня, не то тебя наизнанку вывернут. Понял, мусор! Меня на фуфу не возьмешь.

Точно – коп. Мусор поганый. Совсем обнаглели. Видимо, кто-то из новых, совсем отмороженных. Неужели в Тиране новые люди? Когда он уезжал – не было, но ситуация меняется быстро...

Вместо ответа похититель снова взял лейку и полил под сиденье, похожее на туалетное. Только туалеты не делают из стали...

– Что ты, ко всем чертям, делаешь? Думаешь, меня этим испугаешь? Да я маму твою делал, понял?

– Что ты знаешь про бамбук? – спросил похититель.

– Что?!

– Бамбук.

– Какой, ко всем чертям, бабук? Ты что несешь, козел?!

– Бамбук. Ладно, не знаешь. Так вот, растения семейства бамбуковых относятся к числу самых высоких растений на земле. Известны растения высотой в шестьдесят метров – толщина ствола такого растения может достигать обхвата человеческих рук.

– Какого хрена?! – заорал мафиозо. – Выпусти меня!

– ... Но бамбук известен еще и тем, что он является самым быстрорастущим растением на земле. Секрет его быстрого роста заключается в том, что растение представляет собой почки, нанизанные на стебель, и он растет не от корней, а всеми почками одновременно. В Азии есть сорт бамбука, который растет со скоростью шесть сантиметров в час – при наличии благоприятных условий. А ими являются, в свою очередь, тепло и влажность.

Похититель сделал паузу, взял лейку и снова полил под стульчак мафиозо.

– Думаю, тебе не стоит мочиться от страха, – сказал он бандиту по имени Хасим Ташид, – боюсь, от удобрений он пойдет в рост еще сильнее. Думаю, у тебя есть несколько часов, чтобы рассказать все, что ты знаешь. Пока этот бамбуковый стебель не пророс через тебя...

– Да пошел ты... – презрительно сказал мафиозо. – Засунь свою сказочку себе в задницу, псих чертов. И подумай, куда ты будешь убегать после того, как мои родственники найдут меня. А у тебя есть родственники?

– Нет. У меня нет родственников.

– Это плохо. Потому что убить тебя одного будет недостаточно. Если бы у тебя были родственники, я бы сам изнасиловал всех твоих женщин, прежде чем посадить их на кол. Или вспороть брюхо...

– Вспороть брюхо... Я слышал от одного человека. Когда в трюмах идущего в Африку корабля начинается эпидемия, вы поступаете очень просто. Вы выбрасываете детей за борт. И вспарываете им брюхо, чтобы они не всплыли...

– Да пошел ты! Лучше думай о том, что будет с тобой. Имей в виду, тебе не уйти. Даже эти несколько километров до воды тебе не пройти, потому что тебя будут искать все. От первого человека до последнего...

Человек с лейкой ничего не ответил и только снова полил водой под стул.

Примерно через три часа мафиозо ощутил, как что-то коснулось его задницы, и дико заорал. Еще через десять минут он заговорил. Он начал рассказывать обо всем, что знает. Как

в городе объезжали, то есть насиловали детей перед тем, как переправить их в бордели. Причем среди детей были и девочки, и мальчики, в некоторых африканских племенах маленький мальчик-наложник ценится больше, чем девочка. Как некоторых детей похищали под заказ – в таком случае их не насиловали, потому что нетронутые дети стоят дороже. Что такое Международный банк генетической информации и проект по расшифровке генома человека, в рамках которого сотни тысяч ничего не подозревающих людей в третьих странах сдают анализы и становятся потенциальными донорами органов для таких, как Ташид. Человек, который привязал его к стулу, задал несколько вопросов о том, что происходит в Фиери, и Ташид рассказал многое из того, что никто не знал и что делало его отщепенцем и мишенью для киллера, если пленка где-то всплывет. Он рассказал о своем дяде, убившем жену. Он рассказал о другом своем родственнике, из мести убившем всю семью своего врага. Он рассказал о том, кто и кого за последнее время убил, предал, изнасиловал. Он рассказал о том, где и как он получает кокаин для переправки его в Европу. Он говорил и говорил и чувствовал, как проклятая деревяшка давила все сильнее и сильнее...

И бесстрастная видеокамера прилежно записала самое поразительное признание бандита в истории Албании и, наверное, одно из самых поразительных вообще в мировой правоохранительной практике. Еще никому не удавалось столь убедительно склонить закоренелого бандита с самой верхушки мафии к сотрудничеству.

Когда Ташид перестал говорить и начал умолять отпустить его, человек, который его похитил, подошел ближе. И Ташид впервые увидел его лицо.

– А теперь, – спокойно сказал этот человек, – я хочу, чтобы ты рассказал все, что знаешь, про ядерную контрабанду из Африки.

Ташид выпучил глаза. И тут его сфинктер не выдержал, и дерьмо повалилось из него сплошным потоком. Один из лидеров албанской мафии просто обделался от страха...

Ташид рассказал и про это. Ему уже нечем было гадить, а деревяшка все росла и росла. И он говорил, словно надеясь на то, что слова замедлят рост бамбукового стебля, уже проросшего и в нем самом...

19 июня 2014 года

Предместья Рима,

Итальянская Республика

Ирлмайер

Временно назначив своим заместителем доктора Зайдлера, генерал-лейтенант сил полиции доктор Манфред Ирлмайер оформил служебную командировку в первом управлении и, заказав себе самолет, вылетел в Рим. Он пока сам не был в уверенности относительно принятого решения, но чувствовал, что, если русская разведка протянула туда свои лапы, если есть активность британцев, преступлением будет продолжать руководить из Берлина. Кроме того, он не исключал давления и знал Зайдлера. Зайдлер будет говорить, что он всего лишь выполняет приказ своего начальника, что он не в курсе, зачем это делается, но будет продолжать это делать, пока его не пристрелят.

Начальника гестапо встретили в частном аэропорту, расположенном недалеко от Рима, и отвезли на виллу, которая уже давно использовалась германской разведкой, просто принадлежала она вполне солидному анонимному анштальту. Это была бойня, то есть бойня для скота, обанкротившаяся в начале восьмидесятых в связи с государственным переворотом и коммунистическим мятежом и так и не восстановившаяся. Запах крови чувствовался в помещениях до сих пор. Ирлмайер поморщился – он не любил этот запах, – но ничего не сказал.

У него было два козыря. Только два. Но серьезных... Кардинал Франко Коперник, ныне председатель Трибунала Святой Римской Роты¹³ и кардинал Алессандро Антонио да Скалья. А через них он держит за бороду самого Папу. Хотя у Папы нет бороды...

В своей комнате, где раньше складывали снаряжение для бойни, Ирлмайер повесил большую фотографию Папы. Чтобы помнить то, что он должен помнить...

В Интернете, на одном из сайтов, посвященных европейской истории, а точнее Венеции, Ирлмайер лично оставил послание. Затем люди, связанные с немецкой разведкой, сделали небольшую рассылку из самой Венеции, где содержалось приглашение посетить этот город в качестве туристов. Одно из таких приглашений попало в почтовый ящик кардиналу Франко Копернику, он же агент Гондольер...

Сейчас доктор Ирлмайер сидел за столом в одном из туристических агентств в предместье Рима и с наслаждением смотрел на всю ту гамму чувств, которая разыгралась на лице отца Коперника, когда тот переступил порог этого кабинета и увидел не своего безликого куратора, а начальника гестапо, который лично завербовал его когда-то. Доминирующей нотой в этой сложной симфонии чувств была басовитая нота страха, страха перед тем, что германское правосудие его повесит за то, что он совершил за время католического обучения в Священной Римской Империи. К ней примешивалась дребезжащая нотка ненависти – как и все отъявленные негодяи и слабые люди, кардинал Коперник ненавидел тех, кто знал про него больше, чем должно, кто отдавал приказы; он работал не за совесть, а за страх и готов был в любой момент ударить в спину. Но Ирлмайеру было на это плевать, потому что он ударит только тогда, когда империя, стоящая за Ирлмайером, ослабнет и ничего не будет стоять, а этого не случится никогда.

– Доктор Штрайхе немного приболел, я исполняю его обязанности, – заявил Ирлмайер, наслаждаясь зрелищем страха на лице кардинала. – Вы, вероятно, хотели бы отправиться на пару недель в Венецию?

– Да, но у меня будет только десять дней... – произнес отзыв Коперник.

– Вероятно, мы сможем подобрать тур, соответствующий вашим пожеланиям. Присадьте...

Ирлмайер демонстративно выложил на стол аппарат – глушилку. Он выглядел почти точно так же, как и мобильный телефон, только вместо одной антенны у него было четыре, разной длины, поставленные последовательно, по уменьшению длины. Это для глушения разных частот...

– Что нового слышно в Ватикане?

Коперник сглотнул слюну.

– Появился какой-то русский.

– Какой русский?

– Вот. Воронцов. Наш друг попросил разобраться с ним.

– Как разобраться?

Больше всего Ирлмайер любил ставить людей в затруднительное или безвыходное положение. Только так, постоянным давлением ты контролируешь ситуацию и напоминаешь своим агентам, среди которых полно далеко не лучших представителей рода человеческого, что повлечет за собой предательство или пренебрежение.

– Его надо... убрать.

– Как убрать?!

¹³ Апостольский Трибунал Римской Роты (лат. Tribunal Apostolicum Rotae Romanae), в течение сотен лет также назывался Священная Римская Рота, является высшим апелляционным трибуналом Римско-католической Церкви, относительно огромного большинства ее членов латинского обряда и нескольких Восточнокатолических Церквей и второй высший церковный суд, учрежденный Святым престолом.

– Господи... как будто вы сами не понимаете. Убить!

– Не поминайте при мне Господа, – сказал Ирлмайер, – педераст не имеет права поминать Господа. Что плохого Воронцов сделал нашему другу?

– Я... не знаю. Он звонил кому-то, говорил с ним... а потом приказал мне передать это вам.

Сам да Скалья выходил на контакт с немецкой разведкой только при исключительных обстоятельствах. Все необходимые сообщения он передавал через Коперника, который стучал, как получается, и за себя, и за да Скалью. Он же передавал приказы немецкой разведки. Ирлмайер был не против такого ведения дел – второй человек в Ватикане слишком важная птица. Глупо рисковать тем, что какой-нибудь пронырливый журналист увидит то, что ему не нужно видеть.

Что же касается самой просьбы кардинала, – Ирлмайер полагал, что устранение Воронцова в интересах и германской разведки тоже. Но показать это было нельзя – все имело свою цену, и цена была велика...

– Мы примем решение. Что еще сказал наш друг?

– Он сказал, что Воронцов может принять решение вскоре посетить его с визитом. Этим можно воспользоваться.

– Это нам решать, – безапелляционно сказал Ирлмайер. – Наш друг еще что-то сказал?

– Нет. Но у меня есть... собственное сообщение.

– Какое же?

– Есть человек... который опасен. Он собирает вокруг себя людей... и к чему-то готовится.

– Кто?

– Кардинал Антуан Кегбеле из Кении.

Кения...

Работая с агентом, надо всегда иметь в виду, что агент может преднамеренно искажать информацию с целью получить некую личную выгоду, расправиться с обидчиком или человеком, мешающим его продвижению вверх, и тому подобное. Но вот тут... как звоночек в голове прозвенел. Дзынь-дзынь...

Кения.

После утраты контроля над Египтом и Британским Суданом – едва ли не последняя африканская жемчужина в короне Британской колониальной империи, не считая Британского Сомали, которое уж чем-чем, а жемчужиной быть никак не может. Королева Елизавета Вторая восприняла трон, когда находилась в местечке Нъери, Кения.

И Кения – одна из немногих африканских стран, где большинство все же восприняло христианство.

Ох, не к добру...

– Черный собирает вокруг себя белых? Вам самому не смешно?

– Как вам будет угодно... – сдался Коперник, – но выбор может теперь идти между итальянцем, как это обычно и бывало, и кем-то из иностранных курией. Польша скомпрометирована, теперь, простите, и Германия тоже. Может быть, Африка или Латинская Америка. Кардинал Кегбеле очень уважаемый человек. Он может стать первым чернокожим Папой...

– Этого только не хватало... – выругался Ирлмайер.

Для него чернокожие были болезненной темой, он сам, своей судьбой вполне оправдывал поговорку: Африка – две недели от туриста до расиста. Чернокожие были примитивны, как дети, порывисты, в них совершенно отсутствовала методичность и усидчивость, то, что нужно для успеха серьезного дела. За ними требовался постоянный присмотр, и ни в коем случае нельзя было отдавать им функции руководства, потому что они сразу начинали назначать куда

ни попадая людей своего племени, британцы это называли трайбализмом. Чернокожие могли составить хороший, действенный коллектив, но во главе обязательно должен был быть белый.

– Значит, так... – сказал Ирлмайер, – завтра, крайний срок послезавтра вам передадут пакет. В нем будет информация на Кегбеле. Дальше что должно произойти?

– Нужно будет назначить группу из аудиторов, не менее трех.

– У вас есть на примете подходящие?

– Есть, но...

Ирлмайер мысленно выругался. Почему среди доверенных лиц попадают такие вот слизняки, которые проявляют инициативу только тогда, когда надо предать, украсть и тому подобное.

– Назначите аудиторов. Их имена сообщите мне, я передам вам информацию, какой можно будет влиять на них. Или назначим другого аудитора.

– Но это не предусмотрено каноном...

– Даже в случае смерти? – невозмутимо спросил Ирлмайер и снова наслаждался страхом, лопнувшим в тиши кабинета, словно басовитая струна.

– Найдем. У нас на каждого есть что найти. Добейтесь того, чтобы дело прошло в максимальном темпе, у нас нет времени. Но не доводите дело до слушаний... у вас это так называется? Теперь слушайте, что я еще скажу для вас и для нашего друга...

Возвращаясь с конспиративной точки, Ирлмайер чувствовал себя так, как будто весь вымазался в дерьме.

Дело было не в личности его агентов – на крючок разведки попадают не лучшие люди, право же. Педерасты, растлители детей, проворовавшиеся чиновники. Есть, конечно, другие – например, кому-то нужны деньги на операцию ребенку, но от таких обычно отказывалась сама разведка. Опустившийся, потерявший все свои принципы человек гораздо лучше – он не будет испытывать угрызений совести от предательства, не покончит с собой, не придет в один прекрасный день в контрразведку и не попытается отомстить тем, кто его завербовал – а такие случаи тоже бывали. Дело было в том, что... все-таки было что-то святое, было даже для такого человека, как Манфред Ирлмайер. Он до сих пор помнил, как мамми брала его и его младшую сестру в церковь на субботнюю службу... помнил дыхание людей, жесткую скамью, слитное пение церковных гимнов... и какое-то ощущение общности, возникавшее тогда, подтверждение того, что они принадлежат к одному народу, к великому народу, того, что Господь помогает им и помогает Германии, а они воздают ему хвалу за это и живут, сообразуясь с заповедями божьими. И даже потом, когда не стало ни матери, ни сестры... пьяный идиот на угнанной машине сделал свое дело, его даже не нашли... все равно Манфред Ирлмайер сохранил в себе частичку той живой веры, которая умерла в нем вместе со смертью родных ему людей... точнее, которую он убил в себе тогда, но не до конца. Он понимал, что делая то, что он делает, он нарушает не только человеческие, но и божьи законы... но ведь этим он подтверждал свою веру и свою принадлежность к церкви... ведь неверующий не признает, что он попирает законы божьи, он их просто не признает. И по крайней мере Манфред Ирлмайер не давал клятв проводить в жизнь законы Бога, он проводил в жизнь законы и волю рейха и служил рейху. А вот эти... ему было не по себе осознавать тот факт, что существуют люди, немало людей, целая группа людей, причем хорошо организованная, которая называет себя «служителями Господа», лицемерно служит ему на мессах, говорит пастве о Господе и о том, что он хочет от детей своих, а сама попирает закон Божий, надругалась над верой, цинично использует ее в своих целях, превратила дом Божий в вертеп. Они говорят людям: «Не убий», а сами убивают, и заказывают убийства, и друг друга, и других, не имеющих отношения к церкви людей. Они говорят людям: «Не укради», а сами коррумпированы насквозь и превратили Ватикан в чудовищную офшорную зону, в прачечную для денег мафии и самых кровавых диктатур,

какие только есть на свете. Они говорят: «Не прелюбодействуй», а сами предаются самому омерзительному разврату, педерастии и прочим порокам, за которые в рейхе полагается виселица. И они, немцы, споспешествуют этому.

Он хорошо знал, что разведке все впору... но ему было не по себе от того, что точно такая же группа или группы заговорщиков и предателей могут сидеть в самом рейхе и действовать не против Церкви, а против рейха, подкапываясь под крепость, созданную руками поколений и поколений трудолюбивых и педантичных немцев, желая, чтоб она рухнула. И кто-то из-за границы может точно так же помогать внутренним врагам рейха, про которых он, начальник гестапо, ничего не знает – и Господь не поможет Германии, как помогал до этого, потому что они сами делают грех и мерзость, помогая ВРАГАМ ГОСПОДА НАШЕГО. И все это рано или поздно всплывет... и отольется им... все рано или поздно всплывает, и если вопрос задан, то на него рано или поздно найдется ответ, потому что нет вопросов без ответа... русская разведка вопросы задавать уже начала. И ему надо выиграть время... немного времени.

Так думал Манфред Ирлмайер, возвращаясь с конспиративной точки на немецкую базу (на машине, благо дороги в Италии хорошие, почти как автобаны, а расстояния... тьфу, все рядом), искал другой выход и не находил его...

Его машина прокатилась мимо опустевших загонов, где когда-то стоял предназначенный к скорому закланию скот, остановилась возле двухэтажного выбеленного здания...

– Кто работает по линии ноль? – спросил Ирлмайер у сидевшего за двумя компьютерами дежурного.

– Граф Секеш, экселенц, – ответил изрядно струхнувший дежурный.

– Он здесь?

– Будет через полтора часа, экселенц.

– Как появится, пусть поднимется ко мне.

Ирлмайер начал подниматься наверх, дав себе зарок немного поспать. Хотя бы час. Когда спишь, проснувшись, обычно забываешь то, что не давало покоя до сна. Это как перезагрузка компьютера. Только опять бы не вспомнить...

– Разрешите?

Ирлмайер поставил на стол недопитую кружку настоящего кофе «Харрара» – кофе, к которому он привык в Эфиопии. Его не обжаривают, а сушат местные крестьяне под палящим солнцем, смешивая при помолке с зернами кофе, которые оставили сушиться прямо на деревьях. Это дает кофе, высушенному таким образом, необычный и сложный вкус, отличающийся от вкуса обычного кофе примерно так же, как вкус черного чая отличается от вкуса зеленого и тем более драгоценнейшего циньского белого чая...

– Войдите...

Ирлмайер долгое время провел в Африке, а в Африке большинство дел, которые на европейском континенте решаются переговорами или деньгами, решаются насилием. С этим бесполезно бороться, это можно только использовать в своих целях – Ирлмайер это понял, и потому из числа рейхскомиссаров безопасности на беспокойном африканском континенте он был из лучших. Жизнь научила его и разбираться в людях, применяющих насилие как средство достижения тех или иных целей. Тот человек, что стоял перед ним, тоже был из лучших.

Насилие применяется разными людьми и в разных целях, это надо понимать. Есть, например, люди, которые применяют насилие вынужденно. Вообще насилие – это нормальная реакция человека на агрессивную среду, это обычный способ выживания... сама природа пропитана насилием... чтобы понять это, надо съездить на недельку в настоящий буш, посмотреть, например, на львиную охоту. Но, к сожалению, в странах, именующих себя «цивилизованными», нередко молодым людям с детства внушают, что насилие – это плохо, это недопустимо. Что со всеми можно договориться, даже с чернокожими, взбунтовавшимися оттого, что дочь

вождя родила ребенка с подозрительно светлой кожей, и пошедшими из-за этого разбираться в ближайший поселок переселенцев. Что недопустимо решать проблему убийством, даже если цель закапывает у дороги что-то, весьма похожее на переделанный под фугас артиллерийский снаряд. Эти люди... они часто идут... в экологию, например, в зоологию, отправляются в научную экспедицию... и вот тут жизнь бьет их по голове с силой и неотвратимостью парового молота.

Человек, применивший насилие вынужденно, может потом сделать все, что угодно. Застрелиться – Ирлмайер сам видел это. Уйти в монастырь. Поступить в Рейхсвер... Ирлмайер видел и такое, причем из таких вот бывших интеллигентов получаются худшие палачи, потому что у них все сверх меры: сначала они думают, что человеческая жизнь бесценна, а потом приходят к выводу, что она вообще ничего не стоит. Поэтому, с людьми, которые применяют насилие вынужденно, лучше не иметь никаких дел. Их поступки непредсказуемы, а натворить они могут такого, что потом не расхлебашь.

Недалеко ушли от людей, применивших насилие вынужденно, мстители. Обычно их действия связаны с потрясением, которое им пришлось пережить, потрясением настолько сильным, что они взяли в руки оружие и пошли мстить. Причем совершенно необязательно тем, кто вызвал это потрясение, – человек может проявлять жестокость, мстить дикарям за то, что его в детстве избивал отец. Эти люди обычно упрямы как ослы и практически неуправляемы. Более того, они хитры и могут притворяться, чтобы ввести командира в заблуждение и все-таки сделать то, что они задумали. С такими тоже лучше не иметь дела.

Есть люди, которые творят насилие вследствие веры. Например, веры в то, что та или иная племенная или этническая группа делает то, что она делает, вследствие того, что ее возглавляет плохой, вставший на неправильный путь вождь. Или что Аллах повелел перебить всех неверных, чтобы над всей землей воссияло совершенство таухида, то есть единобожия. Вера – штука весьма опасная, потому что верящие люди, с одной стороны, неуправляемы, с другой стороны, жестоки. Им кажется, что тот, кто не разделяет их веру, заслуживает самого жестокого обращения. То есть, недалеко и до беспредела. А еще недалеко – от искренней веры до жестокого разочарования в ней. Такими людьми можно управлять, точнее, манипулировать, но они ненадежны. И тем не менее они лучше предыдущих категорий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.